

...and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Александр Ивалир

СЕКТОР

Пока ненаучная, давно не фантастика

Александр Владимирович Ивалир

Сектор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48614595

SelfPub; 2021

Аннотация

Пока не научная, давно не фантастика. Нестандартный взгляд на мир и все, что в нем происходит.

Александр Ивалир

Сектор

Предисловие:

ПОКА НЕ НАУЧНАЯ, ДАВНО НЕ ФАНТАСТИКА. «Что, за бред?»: Подумает, мой дорогой читатель, и отчасти, конечно, будет прав. Но только лишь отчасти. И пусть кому-то покажется странным это изречение, я все-таки прошу, уделить моей скромной персоне совсем немного Вашего драгоценного времени. И если в прошествии этого времени Вам не захочется читать дальше, то я не вправе удерживать внимание человека, быть может, достойного чего-то более интеллектуального, чем эта моя писанина. Хотя, я всё-таки надеюсь заинтересовать моего уважаемого читателя. А тот из Вас, у кого хватит терпения прочесть этот «бред» до конца, я надеюсь, точнее, знаю, обретет что-то, что пригодится ему во всей его последующей жизни. И будьте уверены это, что-то не купить ни за какие деньги.

Глава 1

Это раннее июньское утро в одном провинциальном городке российской глубинки начиналось как обычно. Дворники лениво подметали асфальт, едва остывший после вчерашнего зноя. Точнее не вчерашнего, жара, без единой капель-

ки дождя стояла уже много дней, начиная с майских праздников. И это, несомненно, означало только одно, если, максимум через недельку, небо не смилостивится, можно будет проститься с надеждами на хороший урожай не только фермерам, но и даже дачникам, на чьи грядки, не смотря, ни на что, всё-таки попадала так нужная растениям влага. По всей губернии, да и в соседних областях тоже, уже не первый день горели леса. Иногда при смене направления ветра стойкий смог из дыма плотной завесой застилал все небо. Всё это зрелище напоминало кадры из апокалипсического фильма. Даже лучи солнца не могли пробиться сквозь пелену густой гари, от которой страдало все живое: и люди, и животные, домашние и дикие, растения и даже насекомые. Вечно надоедающие мухи и комары исчезли, и это, наверное, единственный плюс метаморфоз природы, который можно было найти в этой аномальной погоде. Такого странного и страшного лета не мог припомнить ни один старожил. Да что там старожилы, даже синоптики признали, что зной этого лета никогда и ни кем ранее не был зарегистрирован в этой местности. Рекордная жара держалась уже около двух месяцев. И, по всей видимости, метеоцентры намеренно занижали температурные показатели на несколько градусов Цельсия, чтобы у людей не плавилась мозги не только от ужасного зноя, но и от лишней, на взгляд властей, для населения информации. Хотя и без этого всем было ясно, с климатом творится что-то, мягко говоря, не совсем обычное. Спасенья не было

нигде, тем более в городе. Разогретые солнцем бетон и асфальт прокалили воздух так, что практически лишили его какой-либо влажности. Да так, что куда бы Вы ни смотрели, что бы вы не видели, всё подрагивало и расплывалось, будто невидимое сопло гигантского самолёта гнало и гнало горячий воздух без усталости и перерыва над всей поверхностью земли.

То ли от жары, то ли от почтенного возраста бывший главный врач районной больницы Павел Иванович Ангелов, а на сегодняшний день, после выхода на пенсию, всего лишь патологоанатом местного морга, проснулся довольно рано.

– Скорее, скорее на работу из этого пекла! Там трупчики голубчики в холодильничках! Там прохлада! – Цинично бормотал себе под нос Павел Иванович, стараясь как можно быстрее попасть в родной, если так можно выразиться, морг, где он работал последние десять лет своей жизни. В прочем, на самом деле, циником доктор никогда не был, просто профессия наложила свой отпечаток на его юмор. Войдя в свой кабинет, и плотнее прикрыв за собою дверь, дабы уличная атмосфера никоим образом не смогла проникнуть в помещение, Павел Иванович первым делом включил чайник. И, усевшись в кресло, стал набивать табаком свою старую трубку, подарок сокурсников по медицинскому институту. И это был своего рода ритуал. Из всех вредных привычек, освоенных человечеством, на долю Павла Ивановича приходилась всего одна. Да и той бы не было, но спасибо друзьям, сделав-

шим этот нелепый подарок тогда еще не курящему молодому студенту. Надо отдать должное Павлу Ивановичу, курил он не много, один максимум два раза в день. До начала работы оставалось еще достаточно много времени. Доктору нравилось иногда прийти в морг пораньше и немного побездельничать в ожидании начала трудового дня. Вот и сейчас, усевшись в глубокое кресло, поставив большую горячую чашку чая на письменный стол, Павел Иванович взял в руки уже готовую к употреблению трубку. С удовольствием раскурив её и удобней устроившись в кресле, принялся размышлять, вспоминая прошедший день. Ангелов любил вот так прийти на работу и никуда не торопясь вспомнить день вчерашний и мысленно поставить себе задачи на день сегодняшней. «Странного типчика привезли к нам вчера. По виду обыкновенный бомж, под грязной, начавшей тлеть одеждой, оказалось молодое, весьма бледное тело. И как это не странно не испорченное ни алкоголем, ни образом жизни данной категории людей. Да и вообще, если отбросить одежду, он во все и не похож на бомжа. Кажется, молодой человек просто уснул и вот-вот должен проснуться. При нём не оказалось ни каких-либо вещей, ни документов. Что-то всё-таки не так с этим пареньком? Есть во всем этом какая-то загадка». – Размышляя над всем увиденным, Павел Иванович не заметил, как задремал. И приснился ему странный сон. Будто сидят они со своей супругой Верой Сергеевной холодным зимним вечером у себя на кухне и пьют горячий чай. Вдруг, неужи-

данно для обоих начинает трезвонить звонок входной двери. Удивляясь позднему визиту, они с женой начинают лениво спорить о том, кому же из них идти открывать дверь. И никак не могут решить этот простой вопрос. Ведь, по их мнению, каждый занят важным делом – доктор смотрит футбол, а Вера Сергеевна вяжет. Между тем, звонок все настойчивее и настойчивее врывается в тихое жилище двух пожилых людей. Наконец, Павел Иванович сдается в этой бесхитростной дискуссии и, открыв дверь квартиры, видит на пороге этого самого, странного паренька-бомжа, тянущего к нему руки. А звонок, меж тем, всё звонит и звонит... С трудом возвращаясь в реальность, Павел Иванович, наконец, понимает, что это всего лишь сон, а звонит всего лишь городской телефон.

– Вас слушают.

– Алло, Пал Иванович. Вы на работе? Это Фёдор. Откройте, пожалуйста. – 7.47. отметил, про себя Ангелов, посмотрев на часы, стоящие на столе, и пошёл открывать дверь. На пороге стоял практикант Фёдор с сотовым телефоном в одной руке и с небольшой спортивной сумкой в другой. Молодой человек был прислан для прохождения практики в местную городскую больницу. «Аж из самой столицы, – как выразился Ангелов, – в помощь местным светилам медицины».

– Пал Иванович, с Вами всё в порядке? Я уже минут 10 стучусь. – Не много взволнованным голосом спросил Фёдор, заглядывая своему наставнику в лицо.

– Да вот задремал, – чуть смущённо отвечал доктор, – на

улице жара, а здесь хорошо, прохладно, вот и разморило.

– Я, честно сказать, испугался за Вас. Такая душегубка вокруг стоит, покойников каждый день пачками завозят, у кого сердце, у кого давление.

Фразу, «я испугался за Вас» несомненно, было приятно услышать Павлу Ивановичу, и он благодарно улыбнулся. За время практики студента они сблизились с Фёдором. Своих детей у него с супругой Верой Сергеевной не было. Бог не дал. Видимо, по этой причине доктор все чаще ловил себя на мысли, что его чувства по отношению к Федору все больше и больше напоминают отцовские. Федор же, выросший без отца, на подсознательном уровне всей душой тянулся к мудрому и доброму Павлу Ивановичу.

Весь день доктор и практикант занимались своей обычной работой. Вскрытие, осмотр, составление документов о причинах смерти и т. д. и т. п. Ещё в обязанности доктора входило приводить в порядок внешний вид усопших. Их нужно было одеть, побрить, в некоторых случаях загримировать, если того хотели родственники или обстоятельства, при которых почил усопший. И тем более эта работа приносила определённый доход, весьма ощутимый, учитывая ту мизерную заработную плату, которую получали врачи в маленьких провинциальных городах. Фёдор всегда помогал Павлу Ивановичу и от денег не отказывался. Вернее, первый раз не захотел брать категорически. Но после того как доктор припугнул практиканта тем, что он и один справится, и после

маленькой лекции на тему о том, что любой труд обязан быть оплачен, согласился. Рабочий день подходил к концу, и не много уставшие наши герои решили попить чайку в кабинете у доктора.

– Сегодня мы уже не успеваем заняться вчерашним бомжем, да и время терпит. А вот завтра, если не будет много работы, мы его быстренько оформим. Ты Федь не заметил, странный он какой-то, и совсем не похож на опустившегося человека. Может быть, у него есть хоть какие-то родственники?

– Может быть, они и есть, а может и, нет. Ему теперь это уже всё равно. И ему всё равно, сколько здесь лежать, до завтра или ещё месяц. И кто будет на его похоронах, куча скорбящих родственников, большая часть из которых лишь изображающая скорбь или одни кладбищенские работники, вынужденные в силу своих обязанностей, предать его тело земле. А Вы не замечали, доктор, что иногда люди, не связанные кровными узами, много больше переживают смерть того или иного человека? На много больше, чем даже самые близкие родственники. А ведь по-настоящему переживать могут только близкие и любящие люди.

– Да бросьте, Фёдор, цинизм вам совершенно не к лицу. Ведь сразу видно, что вы нормальный молодой человек. Цинизм присущ людям либо пресытившимся жизнью, либо, наоборот, чего-то не дополучившим от нее. А у вас всё впереди, ещё успеете что-то недополучить, а чем-то пресытиться.

Хотя на счёт скорби, Вы это верно подметили.

Павел Иванович сам, не замечая того, мог обращаться к Федору то на «ты», то на «Вы». По началу студента немного шокировало частое, как ему показалось, смена настроения его наставника. Но скоро он к этому привык, заметив, что «ты» и «Вы» абсолютно не совпадают с эмоциональным состоянием доктора. В конце концов, такое обращение ему стало нравиться, было в этом что-то не предсказуемое, и практикант иногда пытался даже угадывать, как в следующий момент доктор обратится к нему. Так, например, если утром Пал Иванович обратится на «Вы», то в течение дня, обязательно произойдет какой-либо казус, а уж приятный или не очень это было неизвестно. Ну а если на «ты», то все будет тихо и спокойно, чинно и благородно. И что удивительно, эта придуманная им примета, практически всегда срабатывала.

– Так чем же Вам так приглянулся этот, как Вы сказали, «странный труп»? На мой взгляд, бомж как бомж. – Невольно глянув в сторону холодильника, отвечал Фёдор.

– Ну не скажи. Лучше пойдём, я покажу тебе, почему он не похож на людей, ведущих подобный образ жизни. У нас ещё есть полчаса рабочего времени на маленькую лекцию. Думаю, она будет Вам полезна и интересна. – Приглашающим жестом позвал Павел Иванович Фёдора. Они прошли в комнату, где на носилках лежало тело, подвезли их к столу, на котором проводились вскрытия и перенесли на него труп.

– Ну что же, коллега, приступим. – С этими словами ста-

рый доктор скальпелем разрезал на усопшем одежду, и аккуратно вытащив её, бросил в мусорный контейнер. – Или нет, давайте Вы мне расскажете, почему он не подходит под категорию бездомных людей. И так, смотрите и оценивайте, забудем о том, как выглядел он минуту назад в тех обносках.

– Хорошо, только давайте я его сначала отмою. – Ответил Фёдор, надев резиновые перчатки, взял в руки резиновый шланг, предназначенный именно для таких случаев.

Минут через пять, закончив с водными процедурами, удивлённый практикант с не поддельным интересом рассматривал тело.

– А Вы доктор удивительно внимательны, этот человек абсолютно не похож на бомжа, даже язык не поворачивается так его называть. Смотрите, каких правильных форм тело, такое ощущение, что он не скитался неизвестно где, а каждый день занимался в приличном спортзале. А кожа? – Всё больше удивляясь и восхищаясь, продолжал Фёдор. – Обратите внимание на эту бархатную кожу, ей могла бы позавидовать любая женщина.

– Вы правы, уважаемый коллега. – Улыбаясь и слегка иронично, отвечал Павел Иванович. – Но, говорите, же дальше.

– А лицо? Оно феноменально! Я бы никогда не сказал, что оно красиво, но то, что оно неординарно, это точно. – Всё больше распалялся Фёдор – Ответьте мне, кто были его предки? Без сомнения, и европейцы, и азиаты и, может быть даже арабы, да и китайцы, определённо китайцы. Мо-

жет быть, или мне это только кажется, здесь не обошлось и без африканского континента. Это лицо также загадочно, как лицо Джоконды картины Леонардо да Винчи, лишь с той разницей, что на картине загадочна улыбка, а в нашем случае загадочно все лицо!

– Может быть, может быть... – уже и доктор заинтригованно смотрел на лежащее перед ним тело. – Обратите внимание на руки. Ими одинаково можно как играть на фортепьяно, так и свернуть кому-нибудь шею. Какие они изящные, и в тоже время сильные.

– Вы правы, док! – Сказал Фёдор, не заметив, что первый раз так фамильярно назвал Пал Ивановича. – Вы правы!

– Ох, чует моё сердце, этот покойный ещё преподнесёт нам сюрприз и не один. Слегка нахмурился Павел Иванович.

– Так что же мы ждём? – С каким-то уже остервенелым нетерпением отозвался юноша. – Давайте его скорее вскроем, да и посмотрим, от чего остановилось его сердце, ведь на теле я не наблюдаю никаких признаков насильственной смерти.

– Весьма похвально, что вы готовы работать сверхурочно и приятно видеть ваш энтузиазм, но, дорогой мой, отдыхать нужно не только моему старенькому организму, но и вашему молодому, и может даже в большей степени, чем моему. Так что давайте отложим разгадку, сей тайны, хотя бы до завтра. – С этими словами Павел Иванович снял с себя большой кожаный фартук, в котором он обычно занимался своей

ежедневной работой.

– Вы как всегда правы, дорогой мой доктор, только знаете, мне несколько не хочется возвращаться домой. – Фёдор снимал так называемую «хрущевку», маленькую однокомнатную квартирку, не далеко от городской больницы. – Я уж лучше здесь останусь. Не хочу просидеть сиднем в раскаленном каменном склепе, название которому «А ля бетонная кукуруза».

– Эх, Феденька, – Павел Иванович был слегка задет сравнением молодого человека, – не знаете, вы, нынешняя молодёжь, какого это ютиться по пять и более человек в одной комнатухе в бараке, где из всех удобств холодная вода на общей кухне, да и то не везде. Только в послевоенное время, и этому люди были рады, да и куда народ было расселять? А уж когда при Хрущеве стали эти, как Вы выразились, «бетонные кукурузы» строить, людям они казались ну, если не дворцами, то по меньшей мере, прекрасным и достойным жильём. Своя, отдельная, пусть и малометражная, но со всеми удобствами квартира, да плюс всегда горячая вода. Вам молодым, выросшим, в комфорте кондиционеров и никогда не видевших зловонных выгребных ям, рядом с играющими во дворе детьми, этого не понять. Вспомните-ка Володенька, как совсем недавно Вы еще совсем юным мальчуганом спешили к металлической, несуразной палатке, скорее напоминающей военный бункер, чем торговый павильон. В ней продавались невиданные всеми нами доселе заморские яства. А

ведь эта палатка уже тоже стала историей! И к этой палатке, как символу перестроечного времени, как и к истории своего государства, да и любого другого, нужно и должно относиться с уважением. Старый Арбат в Москве сделали улицей только для пешеходов, и это прекрасно. Только мне кажется этого мало! Нужно хотя бы в одном городе страны создать пешеходную «Улицу Истории». Двигаясь по которой, люди по правую сторону увидели бы все прекрасное, созданное человечеством за все время существования нашей цивилизации. Это великие ученые, великие писатели и художники, музыканты и композиторы, артисты и люди всех творческих профессий и их творения, посвятившие себя нести людям доброту и любовь, истинную доброту и истинную любовь. И, конечно, простые люди, руками которых было создано все это великолепие. А по левую руку идущих экскурсантов по той же улице стояли бы великие, нет, не великие, а низкие злодеи всего человечества! С их пыточными! С их тюрьмами! С их лагерями! С их машинами для убийства! С их ненавистью к мыслящим не так, как им хотелось бы! И еще, я верю, что когда-то, может быть совсем скоро, по обе стороны этой улицы будут стоять люди и их творения, воплощающие в себе лишь только созидание, любовь и доброту!

– Простите, доктор, опять вы правы. Просто, как представляю себе, что придётся весь вечер тупо смотреть в телевизор и каждые полчаса нырять под холодный душ, хорошее настроение сразу улетучивается вместе с надеждой на про-

хладную ночь. – Фёдор вздохнул, накрыл простынёй обнажённое тело странного покойного и с обречённым видом пошёл собираться домой.

– Вот видите, у Вас хотя бы есть прохладная вода. – Улыбаясь, сказал ему в след Павел Иванович. В ответ Фёдор лишь устало махнул рукой.

Немного взбодрившиеся, после принятого душа наши герои, не спеша шли домой. Это Павел Иванович посоветовал Федору снять квартиру у его хорошего знакомого, живущего с ним по соседству. Сосед с апреля, и практически до декабря жил в деревне, не далеко от города. Наведывался редко, да и то, одним днём, в основном, чтобы купить продукты, да узнать у доктора последние городские новости. Плату брал не большую, да и пустил, по его словам, постояльца лишь для того, чтобы квартира не осиротела в отсутствии хозяина.

– А давайте-ка Феденька, я прямо сейчас познакомлю, Вас с очень интересным человеком, уверяю это намного лучше, чем просто тупо провести вечер у телевизора. Тем более, обещаю, что уж там точно не будет жарко. Ну что принимаете моё предложение? – Интригуяще улыбаясь, глядя на практиканта, спросил Павел Иванович.

– Я согласен. – Без лишних размышлений согласился Фёдор, быстро представив свой скучный одинокий вечер в компании с «говорящим ящиком», то бишь, с телевизором.

– Хорошо, вот, только предупрежу супругу о том, что после работы приду немного позже. – Павел Иванович на хо-

ду достал сотовый телефон и набрал номер. – Верочка, не жди меня к ужину, я задержусь... Нет, ничего не случилось, просто решили с Федором нашего батюшку навестить.

Спустя какое-то время они уже подходили к местной церкви, построенной в конце девятнадцатого века. Федор невольно залюбовался старинным зданием, возвышавшимся у подножья холма, покрытого вековыми дубами.

Павел Иванович, как это не странным может показаться, был человеком и верующим, и атеистом одновременно. «Я человек, и имею право сомневаться, но не имею права отрицать», – именно так оценивал свое отношение к религии доктор в беседах с настоятелем местной Православной церкви отцом Андреем. К нему то и привёл Павел Иванович Федора.

Отец Андрей появился в городе в пост перестроечного времени, совпавшее с восстановлением церквей по всей России, и проводить первые службы ему пришлось практически под открытым небом в полуразрушенном местном православном храме. По национальности он был армянин, и злые языки поначалу говорили о нем так: «Мол, вот они, армяне, везде вперед лезут, и даже к Богу норовят первыми. Сейчас смотри, обживется, и перетащит сюда все свое семейство». Но глядя на то, как отец Андрей вместе с рабочими от зари до зари работает над восстановлением храма, прерываясь лишь для того, чтобы отслужить очередную службу, все жители города и верующие и атеисты понемногу прониклись уважени-

ем к батюшке. Ночевать отцу Андрею поначалу приходилось практически прямо под открытым небом. Местные власти, видя все это, предложили ему абсолютно бесплатно пожить в казённой городской квартире, от чего батюшка скромно отказался. После восстановления храма отец Андрей остался жить прямо в нем в маленькой комнатке, так и не приобретя для себя никакого жилья. На церковные службы, где вместе с батюшкой молилось сначала лишь несколько старушек стало приходить все больше и больше горожан. По собственной инициативе или по просьбе местной паствы, не суть важна, местная власть все-таки выделила отцу Андрею из городского фонда однокомнатную квартиру. От которой он тут же отказался в пользу одной мало обеспеченной семьи с четырьмя несовершеннолетними детьми на руках, ютившимися в такой же однокомнатной квартире с родителями мужа. А на вопрос, почему он так сделал, отвечал:

– Храм для людей должен быть открыт и днём, и ночью. Мало ли какая заблудшая душа и когда придёт просить о помощи или за словом Божьим. Нельзя закрывать от людей Бога. Храм- то сам, я, конечно, закрываю, времена смутные хоть и закончились, но безбожников поживиться чужим добром хватает. Зато дверь в мою келью всегда открыта, на ней и замков нет. За себя я не боюсь, страха давно нет, потерял его еще в прошлой жизни, будучи атеистом, да и сказано в святом писании: «Ни один волос не упадёт с головы человека без воли Божьей».

Вечер прошёл не заметно. Отец Андрей оказался образованным и очень интересным собеседником, мог поддержать любую беседу, начиная с бытовых проблем и заканчивая законами мироздания. В его маленькой келье, за метровыми стенами, было приятно прохладно. В небольшой, опрятно прибранной комнате стояли стол, небольшой холодильник, пара стульев да старенький диванчик, служивший днём местом приёма не многочисленных гостей батюшки, а ночью ему кроватью. Всё остальное место занимали полки с книгами. Бегло просмотрев названия на переплетах, Фёдор был весьма озадачен их, мягко говоря, разнообразием! Вместе со Старым и Новым заветом, Законом Божьим, Житием Святых и другими церковными книгами на полках стояло такое обилие литературы, никак не вяжущейся с текстами святого писания, что у студента сначала брови прыгнули вверх, а затем, от удивления, открылся рот. Он хотел, что-то сказать, но лишь развел руками, и из его уст вырвалось одно слово: «Почему?».

– Вы хотите, спросить, как мне не стыдно держать на одной полке рядом с библией, «Капитал» Маркса, работы Ленина и другую, не подобающую этому месту литературу? – Обратился отец Андрей к Фёдору, взяв в руки одну из книг с полки и передовая ее своему гостю. Молодой человек взял ее и, прочитав название, уже в полном смятении медленно опустился на диван.

– Ничего не понимаю.

– Дайте-ка мне полюбопытствоваться, «Майн Каф» А. Гитлер. – Взяв книгу в руки, прочел название Павел Иванович. – Да, батюшка, у нас большой оригинал!

– Зачем Вам всё это? – Спросил Федор.

– Сейчас попробую объяснить, вот только заварю чаю. Какой Вам нравится, чёрный, зелёный? Сам-то я редко чайком балуюсь, предпочитаю простую воду. А для гостей держу. У меня даже с жасмином есть, не желаете? – Предложил батюшка

– Благодарю, – доктор улыбнулся, потирая в предвкушении руки, – давайте уж холодненькой родниковой, от жары и жажды только она и спасает, и тебе, Федор, рекомендую.

– Спасибо, но я бы выпил чаю зеленого, если можно.

Пока отец Андрей готовил напиток, и разливал его по чашкам, Федор украдкой и с неподдельным интересом рассматривал батюшку. Лет пятидесяти с гаком, когда-то черные смоляные волосы и борода теперь побиты сединой. Мужественное красивое лицо не портил шрам, протянувшийся с правой стороны лба до самого подбородка. «Если бы не ряса, – вдруг подумал практикант, – Никогда бы ни подумал, что это священник. Он скорее похож на благородного разбойника, только серьги в ухе не хватает».

– Вам не понятно, как служитель культа может читать подобную литературу? Видите ли, я глубоко убеждён в том, что любая информация об истории нашей цивилизации и людях, так или иначе творивших эту историю, не должна бесследно

исчезнуть. Будь то Гитлер или Шекспир, Христос или Ирод. Тот, кто забудет свою историю, обречён снова и снова повторять её, совершая одни и те же ошибки, а это путь в прошлое, топтание на одном месте, а подчас и возврат в смутные времена.

После этих слов лицо батюшки помрачнело, пальцы сами собой сжались в кулаки. В его взгляде застыла безграничная боль человека, пережившего в своей жизни что-то нестерпимо ужасное, несчастье, которое невозможно заставить себя забыть.

– Знаете, – продолжил отец Андрей, возвращаясь в действительность, – однажды я стал свидетелем такой, как мне показалось, дикой сцены. Один мой очень хороший друг, добрейшей души человек, любящий свою семью, своих детей, да и вообще людей, стал отчитывать своего девятилетнего сына. Может быть от слишком строгой интонации в голосе, а может от страха перед наказанием, мальчик расплакался. Это привело его отца в ярость. И он стал повторять одну и ту же фразу, повторяя ее все громче и громче, пока его голос не сорвался на крик «НЕ НУЖНО ПЛАКАТЬ». На шум прибежала мать, тоже расплакалась, схватила в охапку мальчика и выбежала из комнаты. Какое-то время мы вместе приходили в себя. Я – от того что увидел, а он – от того, что сделал.

– Ненавижу себя за это... За то, что сделал им больно – Тихо начал говорить мой друг, сидя на стуле, уставившись в

пол и нервно перебирая пальцами горящую сигарету.

– Не могу, когда дети плачут, ... Я ведь сначала даже не кричал на него, а просто просил. Зачем он заплакал? А у меня перед глазами сразу картинки. Страшные картинки! О том, как воспитатели в детских домах за пустяковую причину, а чаще даже и без нее бьют невинных детишек. О том, как недалёкая мать со всего маха лупит своей тяжелой ручищей щуплого мальчонку-сына только за то, что он, как ей показалось, громко смеётся. Это кем нужно быть, чтобы так поступать с собственным сыном? Как стоя за колючей проволокой в полосатой арестантской одежде дети, разучившиеся плакать, просто показывают под закатанными рукавами выколотые извергами рода человеческого номера. Зачем, зачем он заплакал, ведь я даже не кричал на него.

Я понял главное. Он любит детей, и не только своих, вообще всех детей и ненавидит всех тех, по чьей вине текут слёзы наших малышей. Слёзы обид, боли и непонимания. И всей душой ненавидит тех, кто заставляет их плакать. Нельзя нам забывать свою историю, как бы сильно кому-то этого не хотелось. Нельзя! Какой бы страшной она не была! Нельзя допустить повторения кровавого прошлого, нельзя повторять прошлых ошибок. Вот поэтому я собираю и изучаю все эти книги. Хочу понять, как один параноик смог завладеть умами целого народа, как он смог внушить ему его мнимое превосходство над другими расами, саму идею сверхчеловека.

Глава 2

Давыдов Владимир Александрович, студент второго курса Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева, проснулся как обычно в 7-30 утра, и по старой еще школьной привычке минут пять продолжал лежать под одеялом, с удовольствием потягивался, прогоняя последние остатки сна. Наконец, встав с кровати, он начал быстро одеваться, пытаясь наверстать те несколько минут, которые он нежился под одеялом. Закончив с туалетом, молодой человек с чувством вины оглядел свое однокомнатное жилище. Он не убирался в нем столько времени, что и сам забыл, когда делал это в последний раз. Пыль ровным слоем лежала практически везде. Единственным более или менее опрятным местом была кровать, на которой он спал. «Всё! Так дальше жить невозможно! Сегодня, обязательно приду пораньше, и основательно уберусь в квартире». В который раз сам себе пообещал Володя.

Вообще наш герой родился и до совершеннолетия жил в небольшом провинциальном городке, расположенном в двухстах километрах от столицы, а эта квартира в Москве досталась ему от его покойной тётушки, души в нём не чаявший. Своих детей у тети не было, и вся её нерастраченная любовь досталась Володе. Добрый и отзывчивый, он и сам с глубоким уважением и любовью относился к своей родственнице. Конечно, у него были родители, вернее мама. Отец неожиданно для всех исчез, когда парню едва исполнилось

двенадцать лет. Однажды утром он, как обычно, отправился на работу и с тех пор его больше никто и никогда не видел. С самого первого класса на все школьные каникулы тётя Аля неизменно забирала его к себе в Москву, и это были самые счастливые дни для них обоих. Вместе они исходили пешком всю столицу вдоль и поперёк. Не было ни одного переулка, ни одной улицы, где бы они не побывали. Тётя Аля знала историю города, как никто другой и могла часами рассказывать о любом месте столицы. И не удивительно, ведь всю свою жизнь она проработала туристическим гидом в этом большом и прекрасном городе.

Её не стало, когда он учился в восьмом классе. Для него и его мамы – это стало шоком, ведь Авилина Сергеевна была ещё достаточно молода для того, чтобы так рано покинуть этот мир. На похоронах, кроме мамы Володи и его самого, присутствовал всего лишь один человек. Он представился близким другом покойной, Антоном Петровичем Измайловым. Именно от него Володя впервые услышал о том, что Авилина Сергеевна давно и долго болела. При жизни она ни коем образом не хотела посвящать в эту ее тайну своих самых близких родственников, справедливо полагая, что так будет лучше для всех. Лишь ее самый близкий друг Измайлов был осведомлен о том, что касалось личной жизни и секретов Авилины Сергеевны. И именно Измайлов поведал им о том, как Авилина Сергеевна распорядилась своей квартирой и небольшими личными сбережениями. Всё это она

оставила своему единственному и любимому племяннику. И ещё он передал им конверт, последнее письмо тёти Али, адресованное Владимиру и его маме. И уже прощаясь, Антон Петрович подарил Володе довольно большой и, видимо, дорогой ежедневник в кожаном переплёте. Как он сам полусушью выразился о его размерах: «Чтобы не затерялся», – и на прощание сказал:

– Здесь вы найдёте все мои координаты. Рабочий и домашний телефоны, мой домашний адрес. Пожалуйста, обращайтесь по любому поводу и без такового. В любой ситуации, чтобы ни случилось в жизни, я всегда и во всем буду искренне рад вам помочь! И поверьте, это не просто слова, сказанные в дань уважения памяти Авилины Сергеевны. Чтобы ни случилось, еще раз прошу вас, без всякого ненужного стеснения, можете звонить мне в любое время суток.

Перед тем как уйти, Измайлов обнял Володю, поцеловал руку его маме и, не прощаясь, поспешил выйти из квартиры.

Спустя неделю, после того как они вернулись из Москвы, Володя неожиданно вспомнил, что за суетой последних дней, связанных с похоронами, они с мамой так и не прочли последнего письма тети Али. Ему стало нестерпимо стыдно! Как он мог забыть об этом? Нет, Володя каждый день вспоминал Авилину Сергеевну, но, то, что она оставила для своих самых близких родных посмертное письмо, почему-то совершенно вылетело у него из головы. Почему иногда память играет с нами такие странные шутки? Вдруг воспомина-

ешь незначительное событие, случившееся с тобой много лет назад, и удивляешься тому, что помнишь именно этот, ничем не примечательный эпизод своей жизни. А то, что казалось невозможно забыть ни при каких обстоятельствах, удивительным образом исчезает из головы на неопределенное время.

Володя едва дождался окончания занятий в школе, так сильно ему хотелось поскорее прочесть это последнее ее письмо. Кому-то может показаться, что молодой человек любил свою тетю даже больше чем мать, но это совсем не так. Нельзя любить кого-то больше или меньше, и наш герой осознал это только теперь, потеряв дорогого ему человека. Пока была жива тетя Аля, ему казалось, так будет всегда. Нет, конечно, он думал о том, что когда-то может не стать дорогих ему людей, но это казалось таким далёкими, что он старался быстро прогнать эти грустные мысли и продолжал наслаждаться настоящим. Лишь потеряв близкого ему человека, он по-настоящему понял, как дороги родные ему люди, и как всех их он сильно любит.

Придя домой, первым делом Володя отыскал письмо и присев на диван, забыв обо всём на свете, открыл конверт.

«Здравствуй дорогой мой, Володенька. Если ты читаешь это письмо, значит, всё уже случилось. Прости меня, за причинённую тебе боль, я знаю, как тяжело неожиданно терять близких людей. Как только окончишь школу, сразу же перебирайся в мою квартиру в Москве. Я знаю, как сильно ты по-

любил этот город. Не важно, чем ты будешь здесь заниматься, учиться или работать, лишь бы тебе это нравилось. Конечно, я бы хотела, чтобы ты сначала выучился, хотя это и не принципиально. Ты можешь и работать, и учиться одновременно. И самое главное, Володенька! В твоей жизни обязательно произойдут события, которым ты наверняка не найдешь рационального объяснения. Разобраться во всем этом тебе поможет мой друг Антон Петрович Измайлов. Думаю, вы уже познакомились. Доверяй ему, так как доверял бы мне и можешь быть с ним всегда и во всем абсолютно откровенным. Если, не дай Бог, с тобой или мамой что-то случится, или тебе будет нужна помощь, или просто совет, смело обращай к нему, без всякого стеснения, он обязательно поможет. Это, наверное, все, что я хотела, но не могла сказать тебе раньше. Будь счастлив. Поцелуй за меня маму. И самое главное, никогда не грусти. Навсегда твоя тётя Аля».

Немного разочарованный, молодой человек, неподвижно держал в руках исписанный красивым почерком лист бумаги. Какое-то время, поразмышляв над прочитанным, Володя последовал последнему совету тётушки и, отбросив грустные мысли, занялся своими повседневными делами.

А жизнь, между тем, текла своим чередом. Последний звонок, выпускные экзамены, через год вступительные в Московский институт. И вот уже наш герой полноправный, хотя и не коренной, житель столицы, студент ВУЗа.

Домой возвращались довольно поздно.

– Да, и правда, очень интересным человеком оказался Ваш батюшка. – Обращаясь к доктору, проговорил Фёдор. – Интеллектуал, каких поискать. А какое колоритное лицо. Знаете, что я подумал, как только увидел его?

– Догадываюсь. – Отвечал Пал Иванович улыбаясь. – Не ты Федя первый, не ты последний. А подумалось тебе, Федя, что на разбойника похож наш батюшка, ведь так?

– Угадать не трудно, еще и этот шрам. Вы случайно не знаете, откуда он у него?

– Нет, не знаю, не хочет он говорить об этом. Как-то раз я попытался расспросить его. Вот только увидев, как побелело его лицо, как отразилось на нем гримаса не передаваемой боли, больше не рискую задавать подобные вопросы. Честно сказать, даже боюсь заводить разговор на любую тему из его прошлой жизни, да и тебе не советую. – Пал Иванович вздохнул, немного помолчал и добавил.

– Огромное горе пришлось пережить ему, раз одно упоминание о шраме так поменяло настроение человека. Мне до сих пор стыдно за свою бестактность. Вот так-то Фёдор. – Поняв смущение доктора, молодой практикант поспешил сменить тему разговора:

– Доктор, а можно я задам один вопрос? Вы сами-то человек верующий?

– Мой юный друг, однозначно на этот вопрос я ответить не

могу. В пору моей юности, да и в последующие годы, практически все были атеистами, включая и Вашего покорного слугу. Верить в Бога считалось тогда не то что бы ни приличным, а скорее уделом, как большинству населения страны тогда казалось, малограмотных и не далеких людей. Но как показывают мои личные наблюдения, да и не только мои, к концу жизни практически каждый человек в той или иной форме приходит к вере. Уходя из этого мира, никому не хочется, верить в то, что для него все закончится. И мне в силу моего возраста очень хочется верить, что там за чертой будет продолжение, что смерть – это не конец.

– Поэтому, Вы и стали посещать церковь в надежде получить это самое продолжение?

Павел Иванович нахмурился, услышав этот, как ему показалось, вызывающий вопрос Федора.

– Я хожу туда не отмаливать у Бога свои грехи, если что-то сделал не так в своей жизни, надеюсь там, за линией не возврата, мне доходчиво объяснят, в чем я был не прав, и дадут время осмыслить мои неверные поступки, то есть покаяться.

– Мне никоим образом не хотелось обидеть Вас, уважаемый доктор, никто не вправе запрещать или навязывать свой взгляд на уклад или образ жизни той или иной группы людей, тем более в вопросах веры. Конечно, если этот образ жизни и сама вера не противоречат общепринятым законам человечности. Я ведь человек верующий, хоть и не люблю

этого афишировать. – После таких слов, услышанных от Федора, брови Павла Ивановича поползли вверх, а на лице отразилась крайняя степень удивления. – Да, да и нечему тут удивляться. А к вере, заметьте именно к вере, а никак не к религии, меня приобщила моя бабушка примерами собственной жизни. Не думаю, что рассказы из своей прошлой жизни она хоть как-то пыталась приукрасить. Она считала себя православной, да и я отношу себя к этой вере.

Практикант замолчал, и какое-то время наши друзья шли молча. Пройдя в тишине несколько метров, Федор вдруг остановился и достаточно резко заговорил:

– Я хоть и считаю себя православным, вот только моему сознанию и пониманию веры иногда неприятно то, что происходит в церквях.

– Ну, в первых не церквях, а храмах. – Доктор остановился и жестом указал на оказавшуюся, на их пути скамейку, – Давайте присядем, коллега, и поведаете мне, пожалуйста, что такого на Ваш взгляд непотребного происходит в храмах?

Они присели и молодой человек, собравшись с мыслями, начал говорить:

– Прошу Вас, доктор, не нужно передергивать мои слова. Я не произносил слово «непотребное», а лишь сказал, что мне неприятно что-то видеть в храмах.

– Хорошо, хорошо, пусть так, и все-таки, что же такого неприятного, Феденька, Вы там увидели? – Не без иронии спросил Павел Иванович.

– Мне неприятно видеть на территории храма лавки, торгующие атрибутами веры!

– Да помилуйте, батенька, а где же этими атрибутами, как Вы выразились, торговать- то, как не в храме?

– Да где угодно, но только не на святой территории. Ведь даже Христос гнал торгашей из храмов.

– Да, гнал! Так в его время они торговали там чем угодно, только не атрибутами веры! – Мягко говоря, доктор был слегка возмущен словами своего молодого коллеги.

– Понимаете, Павел Иванович, я думаю, торговать атрибутами веры, конечно, нужно, но только за территорией храма, а вот освящать все эти вещи нужно в храме и совершенно бесплатно. Или вот, например, я хочу поставить свечу. Что бы это сделать, мне сначала ее нужно купить. Да, конечно, я понимаю, что свечи сами не материализуются и на их изготовление идут затраты, которые необходимо окупать. Да и тем, кто молится за нас, необходимо и пить, и кушать, и нет в этом ничего предосудительного. И, поверьте мне, проводить дни, недели, годы в молитвах – это тяжелый труд и не каждый человек даже изо дня в день, занимающийся тяжелым физическим трудом, сможет осилить это. Я вот думаю, почему бы просто на входе в храм не положить те же свечи, а рядом поставить жертвенник, куда каждый прихожанин, взяв нужное ему количество свечей, сможет пожертвовать на храм столько, сколько сможет или сколько сочтет нужным. И поверьте, доктор, я уверен, церковь только вы-

играет от этого. И такой подход нужно применять ко всем православным обрядам, будь то поминовение усопших или венчание людей, пожелавших скрепить семейные узы в лоне православной церкви. Ни в коем случае в храме нельзя устанавливать конкретные цены на те или иные обряды, иначе храм уже не будет храмом. Не зря ведь сказано: «Богу Богово, а кесарю кесарево». Однажды я стал свидетелем такого разговора между батюшкой и молодым человеком. После того, как священник освятил новую машину этого юноши, молодой человек спросил, сколько он должен за обряд освящения. Ответ батюшки меня приятно удивил: «Ничего ты мне не должен, поезжай себе с Богом». Молодой человек тоже удивился: «Как же так, батюшка? А мне сказали, заплатишь столько – то, тебе и освятят машину». Священник укоризненно посмотрел на юношу и сказал: «Кто же тебе сказал такое? Никто не заставит тебя платить за обряд! Но только ты сам можешь пожертвовать на храм любую сумму, которую сочтешь нужной! А если нечего пожертвовать, и это не страшно, пожертвуешь, когда сможешь. Разве Богу важны твои деньги? Ему вера твоя важна, ни больше, ни меньше! А твое жертвование, это ведь совесть твоя, как велит, так и поступай».

Павел Иванович не торопился с ответом, обдумывая все услышанное.

– Все твои доводы, конечно, звучат убедительно, но только не мы эти правила придумали не нам их и менять. – Весь-

ма категорично заявил доктор.

– А вот тут я с Вами абсолютно, согласен уважаемый Павел Иванович конечно не нам! В конце концов, никто нас не принуждает покупать те же свечи, дело это сугубо добровольное. Вот только есть у меня один хороший знакомый и тоже верующий человек, который однажды в разговоре со мной в категоричной форме отказался от посещения храмов, мотивируя это тем, что он видит в православной церкви некую коммерческую организацию, как не кощунственно это звучит. На все мои попытки образумить его и мои доводы, что в храм люди ходят к Богу, а не к служителям культа, он все равно ни под каким предлогом не менял свое мнение. Именно тогда мне пришла в голову мысль изменить что-то в церковных традициях. Мой знакомый обязательно бы посетил храм, и православная церковь в его лице приобрела бы еще одного прихожанина. А это значит, что, какая бы то ни была псевдохристианская секта, уж точно не получит в лице моего приятеля одного из своих последователей.

– С тобой трудно спорить, но я все-таки повторяюсь, не нами заведено, не нам и менять.

– Все так, не нам! Вот только, если бы ничего не менялось, мы бы с Вами, дорогой доктор, и сейчас жили в рабовладельческом, древнем Египте.

Федор сообразил, что затронул не совсем приятный для доктора вопрос православия, и поспешил сменить тему разговора.

– А знаете, дорогой мой Павел Иванович, давайте завтра с самого утра займёмся этим нашим молодым человеком. – Имея в виду странного бомжа, предложил практикант. – Я тоже приду пораньше, и мы вместе докопаемся до причин, по которым он до последнего дня вел странный для физического состояния его тела образ жизни.

На том и порешили. Попрощавшись друг с другом, поспешили каждый по своим домам. Вот только, не завтра, ни через неделю им так и не пришлось выполнить задуманное.

Жара вовсе не собиралась сдавать свои позиции, всё больше и больше набирая силу, да так, что ни днём, ни ночью невозможно было спрятаться от ее изнуряющего, горячего дыхания. Город практически опустел. Все его население, пользуясь любым выдавшимся свободным временем, толпами уезжало из него в поисках любых водоёмов, пригодных для купания. Люди возвращались в город лишь для того, чтобы сходить на работу или купить продукты. Многие предприятия сократили время рабочего дня в связи со сложившимися условиями, а некоторые отправили большую часть рабочих и служащих в бессрочные отпуска. Только местная больница работала в напряжённом режиме. Да это и понятно, люди пожилого возраста, да и не только, всё чаще и чаще обращались к врачам. Палаты были переполнены, заболевшим проходило лежать даже в коридорах больницы. То же самое, если можно так выразиться, столпотворение наблюдалось и в морге, с той, лишь разницей, что клиентам по-

следнего уже не требовалось срочное лечение и какие – либо другие медицинские процедуры. Поэтому Павлу Ивановичу и Фёдору практически каждый день приходилось работать с самого раннего утра, а иногда задерживаться на работе и до позднего вечера.

– Треклятая жара, смотрите, что с народом делает. – В сердцах проговорил Фёдор, снимая хирургические перчатки. – Этак нашему государству скоро некому будет пенсии платить. Когда же, наконец, в небесной канцелярии смилостивятся над нами грешными? Вам оттуда случайно не звонили, а, Павел Иванович?

– К счастью нет, по такому случаю не звонили. А если позвонят, боюсь, для меня это будет последний звонок. – Фёдор захлопал глазами, поняв, глядя на серьёзное лицо доктора, что сморозил очередную глупость и, не зная, что теперь ему делать, свести всё в шутку или извиниться перед Павлом Ивановичем?

– Не нужно извинений. – Словно угадав мысли Фёдора, продолжал доктор. – В моём возрасте, да и, учитывая специфику нашей работы, слово смерть не вызывает у меня ни каких эмоций. Я воспринимаю её, как нечто само собой разумеющееся. Как бы вам попроще объяснить? Ну, например, как утром завтрак. Страх перед ней я тоже не испытываю. Жаль только одного, кто-то может стать несчастнее в связи с моей кончиной. В моём случае это моя супруга Верочка.

Это было сказано с такой горечью и в тоже время нежно-

стью, что Федору стало ясно, любовь на всю жизнь существует в реальности, а не только в красивых, но придуманных романах.

– Первую часть фразы «они жили долго и счастливо», мы уже практически прошли, хотелось бы, чтобы и в жизни все закончилась так же хорошо, как и во второй, «и умерли в один день».

Сколько времени стоял этот ужасный зной, уже никто не мог сказать точно. Казалось, жители городка даже перестали надеяться на какие-то изменения погоды в лучшую сторону. Кто-то объяснял всё «Гневом Божьим, на наши грешные головы» и надвигающимся концом света. Кто-то глобальным изменением климата на всей планете, промышленными выбросами углекислого газа в атмосферу и человеческим фактором, непосредственно влияющим на все всепогодные изменения. Кто-то винил во всём американцев, проливших миллионы тонн нефти в Атлантический океан, кто-то русских по-тихому применивших климатическую бомбу, правда, не известно против кого. Но к счастью или несчастью все как плохое, так и хорошее когда-то кончается. В конце концов, в один прекрасный день, закончился и этот изнуряющий и доконавший всех зной. Уже с раннего утра небо потихоньку стало заволакивать полупрозрачными, ещё плохо сформировавшимися облаками. И как всегда, при смене погоды эта необузданная жара стала еще сильнее. Она, словно чувствуя свое непременное поражение, в лице несущегося

с запада прохладного циклона, о котором уже три дня твердили синоптики, решила показать людям свое предсмертное, страшное величие. Ветер в начале дня еле заметный с каждым часом всё больше и больше набирал силу. К вечеру от раскалённого воздуха, перемешанного с пылью, песком и запахом дыма, невозможно было укрыться нигде, но ее Величество «Погода» не спешила подарить людям свое расположение. Ближе к полночи вся эта природная вакханалия неожиданно прекратилась. В небе до предела плотного, раскаленного воздуха, наполненного пылью, дымом и запахом гари показалось светлое расплывчатое пятно, которое человек лишь с богатой фантазией смог бы назвать луной. Жители городка весь день в ожидании чуда, смотревшие на все происходящие в природе изменения и теперь обманутые в своих надеждах, спешили поскорее вернуться в свои дома и квартиры.

Павлу Ивановичу не спалось. То ли от жары, то ли от напряженной работы последних дней он никак не мог, не то чтобы заснуть, а даже задремать. Устав от безрезультатной борьбы с бессонницей, доктор потихоньку, стараясь не разбудить спавшую рядом Веру Сергеевну, встал и направился на балкон. Он решил выкурить трубку, в надежде на то, что может быть табак подействует на его организм как снотворное. Удобно устроившись в стареньком, но ещё довольно крепком соломенном кресле и пуская изо рта клубы ароматного дыма, наш доктор принялся размышлять, о погоде,

её непредсказуемости и всем, что с этим связано. И вот в абсолютной тишине в этом густом застывшем воздухе доктор неожиданно для самого себя почувствовал еле уловимые изменения. Атмосфера вокруг неожиданно вздрогнула так, будто где-то рядом без единого звука рванула бомба, и взрывная волна от нее заставила вибрировать все предметы в радиусе ее действия. Очень скоро доктор услышал еле уловимый шум и вначале даже не обратил на него никакого внимания. Но этот звук становился все отчетливее и громче, заполняя все пространство вокруг. Павел Иванович никак не мог понять, кто или что может издавать этот странный шум. Все стало ясно, когда тихонько задрожали листья на верхушках высоких тополей под напором первого, пока не очень сильного, порыва ветра. Между тем огромная раскаленная масса воздуха, перемешанная пылью и гарью, и как показалось доктору, начисто лишенная кислорода, откуда-то сверху упала на город, стремительно набирая силу. Доктору казалось, его легким не хватает воздуха, и он вот-вот начнет задыхаться, он почувствовал себя астматиком, застигнутым приступом болезни и вдруг понимающим, что спасительного ингалятора нет под рукой. С каждой секундой он испытывал все больший и больший страх, грозивший перерасти в ужас. Неожиданно вспыхнувшая молния на несколько секунд озарила всё видимое пространство. Чтобы хоть как-то отвлечься и побороть этот внезапный приступ животного страха, Павел Иванович начал считать, пытаясь определить,

как далеко находится грозовой фронт. Раз, два, три... двадцать два, гром и тут же новая вспышка. Раз, два три... двадцать один, снова гром и вспышка. Очень скоро яркий свет от молний практически переставал гаснуть, небо бороздила фантастическая, причудливая паутина, все время меняющая форму. Гроза гремела уже со всех сторон, вот только долгожданного дождя, почему-то, все не было. Доктор поймал себя на мысли о нереальности происходящего. Он не узнавал собственный двор. Его охватило какое-то странное волнение и страх от всего происходящего вокруг. Забыв обо всём на свете, впад в какое-то животное оцепенение, Павел Иванович смотрел на это буйство природы, не отрывая глаз. Без единой капли дождя всё это выглядело весьма странно и даже страшно, и невероятно неправдоподобно. И вдруг Павел Иванович увидел уж и совсем удивительную вещь! Как ему показалось, само небо вдруг решило рухнуть на землю. Высоко над головой появилась плотная темно-серая масса, подсвеченная уличными фонарями, простиравшаяся на всё видимое пространство и уходящая в никуда чуть выше линии горизонта. И вся эта огромная серая масса с бешеной скоростью падала на землю. Лишь когда первые крупные капли коснулись земли, доктор с огромным облегчением сказал самому себе: «Это то, о чем все мы так долго мечтали! Это то, на что мы все перестали надеяться! Долгожданный и чудесный дождь!»! Спустя мгновение этот дождь, сопровождаемый ветром почти ураганной силы, уже лил с африканской

мощью тропического ливня. Через пару минут его капли выбили из атмосферы все вредные примеси, выбили запах пыли и гари. А воздух, пахнувший свежестью и озоном, сладким и усыпляющим нектаром ворвался в легкие Павла Ивановича. Всё напряжение последних недель, как-то сразу навалилось на него и почувствовав чудовищную усталость, кое-как дойдя до кровати, он рухнул на неё в объятия Морфея. Голова ещё не коснулась подушки, а Павел Иванович уже спал. Он заснул сном младенца, не слыша ни ветра, ни шума ливня, ни раскатов грома, не прекращающихся ни на минуту. Так он спал только в далёком детстве, не обременённом ни какими заботами или проблемами.

Утром, если бы Вера Сергеевна вовремя не разбудила мужа, он, наверное, проспал бы до самого обеда. Наскоро позавтракав и прихватив с собою пару бутербродов, наш добрый доктор отправился на работу. Прекрасная погода, наконец вернувшаяся в его ставшим родным городок, превзошла все ожидания. Ливень, шедший всю ночь, преобразил город до неузнаваемости. Вся серость пыльных улиц, всё уныние на лицах прохожих исчезли в одночасье. Казалось, город помолодел и расцвёл яркими красками. Павел Иванович поймал себя на мысли о том, что он идёт на работу абсолютно с таким же настроением, с каким он шёл туда первый раз, когда-то много лет назад. Предчувствие того, что сегодня обязательно должно случиться что-то хорошее, неординарное, из ряда вон выходящее не покидало Павла Ивановича.

Уже издали, заметив на крылечке возле входной двери одиноко стоящую фигуру Фёдора, доктор прибавил шаг. Предчувствие его не обмануло. Подойдя ближе, доктор отметил странную бледность молодого человека, а в выражении его лица читалось растерянность. Глуповатая улыбка то появлялась, то исчезала с физиономии практиканта. Губы подрагивали, глаза постоянно двигались, не концентрируясь ни на одном предмете. Он даже не заметил доктора, почти вплотную подошедшего к нему. Павел Иванович с минуту наблюдал за студентом, пытаясь понять, что с тем происходит и, в конце концов, решил окликнуть своего молодого коллегу:

– Дорогой мой, что случилось? На Вас лица нет! Фёдор, ты меня слышишь? – Спросил доктор, в своей обычной манере, обращаясь к своему младшему коллеге то на «ты», то на «Вы». А что бы тот скорее пришел в себя, ему пришлось даже слегка потрясти паренька за плечи. Какое-то время практикант как рыба, выброшенная на берег, беззвучно открывал и закрывал рот, пытаясь что-то сказать. После чего обессилено опустившись прямо на ступеньку крылечка, пробормотал:

– Там..., там. – Указывая в сторону двери, начал бессвязно говорить Фёдор. – Голова на боку..., сидит..., сам..., голова на боку.

– Успокойся и возьми себя в руки! – Крикнул доктор и ещё раз, взяв за плечи, и уже довольно сильно потрянул его двумя руками. – Давай рассказывай всё по порядку.

После такой небольшой встряски Фёдор хотя и медленно, но все-таки начал приходить в себя. Сосредоточиваясь и помолчав какое-то время, рассказал Павлу Ивановичу вот такую историю:

– Знаете, доктор, проснулся я сегодня как обычно. Настроение прекрасное, погода прекрасная, уже и забывать стал, что так хорошо может быть на улице. Думаю, выйду пораньше, немного пройду перед работой и подышу свежим воздухом. Так вот потихоньку и добрался. Открываю дверь и захожу, решив перед началом дня немного взбодриться кофейком. И вдруг вижу, что этот самый бомж, до которого у нас всё руки не доходили, сидит, представляете себе, голый на холодном граните и голову так к плечу наклонил. Стыдно сказать, но я испугался. Какой-то странный ужас охватил меня. От испуга я выбежал на улицу и, наверное, наткнулся на Вас. Павел Иванович сначала с серьёзным лицом слушал Фёдора, но в конце рассказа довольно весело хохотнул, чем немало удивил своего коллегу.

– Эх, Фёдор, Фёдор, давненько меня так никто не смешил! Я ведь за свою практику с такими воскрешениями сталкивался не один раз. В основном такими глупостями занимаются молодые люди, ищущие острых ощущений. Они, бравирюя друг перед другом, на спор или просто из баловства, забираются в наш «предпоследний приют почивших навсегда странников» и придают покойникам иной раз весьма экстравагантные позы. Так что успокойтесь, оттуда ещё никто

не возвращался. – И доктор многозначительно указал ладонью куда-то вверх. – Идёмте, посмотрим, что ещё там натворили эти малолетние разбойники.

Наши герои поспешили войти в дверь. Доктор с иронической улыбкой на лице впереди, а следом молодой человек, всё ещё с опаской, нетерпеливо выглядывая из-за плеча Павла Ивановича.

– Смотрите, Фёдор, окна не разбиты всё вроде бы на месте. Как же эти негодники сюда забираются? Наверняка, где-то раздобыли или подобрали ключ от входной двери. Сколько раз я уже ругался с главврачом, сколько раз я убеждал его в том, что нам, как воздух, нужна сигнализация. Всё без толку! Одни обещания и рассуждения о том, что вряд ли найдутся охотники красть мертвые тела. – Доктор безнадёжно махнул рукой – Ну пойдёмте, посмотрим на нашего, как ни смешно это звучит, бывшего усопшего.

Пройдя в следующее помещение, вернее сказать морозильную камеру, совсем не похожую на современный холодильник, как показывают в кино. Там покойники хранятся в стерильных, выезжающих прямо из стены, ящиках. А в нашем случае это просто большая комната, где на стенах висели трубы, по которым бежал жидкий азот, а все остальное пространство в ней занимают гранитные топчаны, на которых и размещали усопших. На одном из них и действительно сидел голый труп с наклоненной к левому плечу головой,

– Ну что же, – проговорил доктор, кивнув в сторону тела, –

давайте-ка сегодня начнём работу с него. Надеюсь, в такой прекрасный день никто из жителей города не покинет наш бранный мир и времени у нас для этого странного типчика будет предостаточно.

Неожиданно голова покойника стала подниматься, веки как в замедленном кино открылись. Павел Иванович даже не успел испугаться, лишь через пару секунд, когда ярко-голубые глаза покойника с любопытством уставились на него, по спине пробежал предательский холодок, а на лбу выступила испарина. Федор же, находясь в полубморочном состоянии, готов был бежать вон подальше от воскресшего покойника. Лишь присутствие доктора и страх показаться последним трусом удержали его от этого поступка.

Глава 4

Начало октября в этом году выдалось на радость всем жителям столицы. В городе стояло самое настоящее бабье лето. Тёплая солнечная погода навевала жителям мегаполиса хорошее настроение и желание радоваться каждому прожитому дню. Не спеша, одевшись, будущий инженер отправился на кухню готовить себе завтрак. Наскоро перекусив и находясь в отличном расположении духа, Владимир поспешил к месту учёбы. Выйдя из квартиры, он нос к носу столкнулся с соседкой, живущей в квартире, напротив. Они были ровесниками и познакомились ещё лет пять тому назад в дни зим-

них каникул. Юля, так звали девушку, иногда присоединялась к ним с тётёй во время их частых экскурсий по Москве.

– Ну, здравствуй, сосед. – Юлька как-то странно посмотрела на Владимира. – Ты, когда в следующий раз автостопом в Китай соберёшься, предупреждай, или хотя бы записку в двери оставь.

– Какой Китай, какой автостоп? Не понял? Ты извини, на лекции опаздываю. Давай вечером поболтаем. – Перепрыгивая через две ступеньки, отозвался он. Да, ты не забыла, куда мы в воскресенье с тобой собрались?

Последние слова Володька произнёс, уже не видя лица подружки. А если бы увидел, непременно бы остановился. У девушки открылся рот, округлились глаза и на лице застыло выражение крайнего удивления. Когда она немного пришла в себя, нашего героя уже и след простыл.

Всю дорогу до института его не покидало чувство новизны всего происходящего. Как будто за ночь всё вдруг вокруг изменилось, стало ярче. Володя готов был поклясться, что ещё вчера вывеска вот на этом продовольственном магазине выглядела серо и убого, последняя буква на ней вообще отсутствовала. А сегодня? Новенькие стеклянные, буквы сияли на солнце всеми цветами радуги. Если вывеску «ПРОДУКТЫ», по его мнению, ещё можно было поменять за ночь, то куда делись массивные деревянные двери и окна, на месте которых теперь красовались удивительно белые изделия из пластика? В душе шевельнулось чувство нереальности про-

исходящего и какой-то непонятный страх перед окружающей его действительностью. «Да нет, всё правильно», – мысленно успокоил себя Владимир, – «хозяину магазина выгоднее поменять всё сразу и ночью, чтобы не останавливать торговлю днём. Тем более при нынешних технологиях, хлынувших к нам с запада после открытия железного занавеса, это вполне реально». Но пройдя несколько десятков метров, Володя наткнулся ещё на один сюрприз, ожидавший его сегодня – палатка, торгующая всякой всячиной. Здесь можно было купить практически любые продукты и в любое время суток. Таких палаток по всей Москве, да и по всей России развелось с недавнего времени великое множество. Сваренные из металла бригадами кустарей, все эти архитектурные творения времени перемен были похожи друг на друга как близнецы. И в тоже время у каждой конструкции была своя отличительная особенность. Любая из бригад, создававшая этот символ перестроечной эпохи, старалась внести в сооружение что-то своё сугубо индивидуальное. Будь то узорчатые решётки на окнах или металлические ставни, которыми на ночь полностью заdraивали все стеклянные части такой не затейливой конструкции. После чего она могла выдержать не только атаку подвыпивших хулиганов, число которых росло в математической прогрессии с числом вновь воздвигнутых палаток, но и прямое попадание гранатомёта «Мухи». Одинаково железные, зелёного или синего цвета, с металлическими решётками на окнах-витринах, с маленьким окошком

по центру, для общения продавца и покупателя они заполнили страну того времени от края до края.

Но вернёмся к нашему герою. На месте старой металлической конструкции красовался абсолютно на неё не похожий, воздушный, лёгкий, с объёмными стеклянными витринами алюминиевый, золотого цвета торговый павильон. И если палатку при желании, даже за один час, легко можно было заменить павильоном. То невиданную нашим героем до этого дня, тротуарную плитку, никак невозможно было так ровно и на такую площадь уложить за одну ночь вокруг павильона. Нереальность происходящего с новой силой вломилась в сознание Владимира и, ускоряя шаг, он почти бегом зашагал в сторону института, так поспешно, как будто именно там его ожидали ответы на все вопросы, возникшие у него в голове. За все время, что Володя добирался до места учёбы он, замечал их всё больше и больше: не совпадений дня сегодняшнего с днем вчерашним. Здесь новая клумба, которой вчера точно не было! Там ещё один новый торговый павильон! Число иномарок, движущихся по улицам города, неожиданно превысило число отечественных машин. Да и интенсивность движения на дорогах увеличилась. Заметная перемена произошла и в людях. Серо-сине-зелёная толпа людей на улице, иногда вспыхивающая ярким пятном отдельных личностей, вдруг превратилась в прекрасное карнавальное шествие всех цветов радуги и её оттенков. Мусорные урны, ко-

торых ещё вчера не было и в помине, сегодня находились там, где им и положено было быть. И пусть вокруг них ещё валялись скомканные пустые пачки сигарет, обертки от сникерсов и жестяные банки из-под пива и кока-колы, небрежно брошенные не совсем сознательными гражданами. Только во всём этом уже угадывался порядок и уважение общества и его граждан к окружающей действительности и к самим себе. Чего ни как нельзя было сказать о дне вчерашнем, пыльном и убого – сером. К концу пути Володино сознание заполняло уже такое разнообразие чувств, что он и сам не понимал происходящего у него в душе, всего было намешано с избытком. Страх, любопытство, восторг, понимание нереальности происходящего, все эти чувства перемешалось в его душе, и было готово выплеснуться наружу кучей вопросов. Только кто мог на них ответить? И не сошёл ли он с ума на самом деле? Почему всё так изменилось за одну ночь? Парень невольно остановился, задавая себе все эти вопросы. Ему оставалось только перейти дорогу, чтобы попасть в свой институт, наш герой бегом поспешил в сторону открытых ворот, отделявших его от конечной цели в надежде, что может быть, хотя бы там, в храме науки, хоть что-то, да прояснится.

Глава 5

За свою достаточно долгую жизнь Пал Иванович повидал, конечно, много интересного, можно сказать загадочного и даже в какой-то степени мистического. Хотя все загадки, в конце концов, объяснялись весьма прозаично, а мисти-

ка сводилась к банальному циркачеству. И в этом, мягко говоря, удивительном случае доктор стал искать рациональное зерно всего происходящего, вот только найти его оказалось практически не выполнимой задачей.

– Похоже на летаргический сон. Хотя и нескольких часов в морозильной камере ни один человек не выдержит. Есть, конечно, люди, умеющие управлять своим сердцебиением, дыханием, температурой тела, но несколько недель при морозе не выше десяти градусов, ниже ноля? Это из ряда вон! Помнится, монахи в одном из монастырей в Гималаях проходят испытание холодом. Они должны практически без одежды всю ночь пролежать на снегу, представляя себя на берегу тёплого моря, такой вот аутотренинг. – Примерно вот так вслух размышлял наш уважаемый доктор, разглядывая странного молодого человека. Фёдор же в свою очередь в силу своего малого жизненного опыта и ещё не окрепшего сознания был страшно испуган и все время непроизвольно прятался за спину доктора,

– Алло, Вы меня слышите? – произнес доктор, щёлкая пальцами, слева и справа от лица незнакомца, – дайте знак, что вы меня понимаете ...

Но странный молодой человек продолжал лишь внимательно разглядывать Павла Ивановича. На какое-то время доктор, как показалось ему, и сам попал под гипноз этого невероятно синего взгляда. Глаза незнакомца совсем не казались пустыми или ничего не понимающими. Напротив, в

них, как ни странно это может показаться, угадывался не малый интеллект, ум, и даже, как показалось доктору, какое-то превосходство надо всем и вся окружающим этого молодого человека. Но это превосходство не было холодным взглядом высшего создания. Эти глаза смотрели скорее со снисходительной отцовской любовью, на малых ещё не совсем разумных детей. Это показалось весьма странным доктору, если учесть возраст молодого человека, навскидку, выглядел он не много старше практиканта Фёдора. Какое-то время наши герои с любопытством разглядывали друг друга. Наверно, первый раз в жизни Пал Иванович оказался в такой странной, если не сказать больше, не реальной ситуации. Фёдор, находясь в полной прострации, сам не замечая того, что одной рукой он постоянно вытирает предательски потевший лоб, а другой теребит рукав пиджака, стоящего перед ним доктора и с нескрываемым ужасом, смотрел на вчерашний труп. Его рот то открывался, то закрывался, при этом, не издавая ни звука. Со стороны он напоминал человека, абсолютно лишённого, какого-либо рассудка, так сильно на него подействовало это невероятное событие.

– Что это Вы, Феденька, замерли здесь как «глушеный омуль»? Не видите, нашему гостю нужно выпить воды. Будьте так любезны, мой уважаемый друг, и поскорее утолите его жажду! Да и сами не побрезгуйте, пара глотков, и вам точно не помешают. Хотя в сложившейся ситуации я бы посоветовал Вам спирт! – Повернувшись к практиканту, доктор,

довольно сильно, толкнул остолбеневшего Фёдора в сторону открытой двери. Сделано это было скорее для того, чтобы будущий эскулап медицины как можно скорее пришёл в себя.

– Да, да конечно, я мигом. – Фёдор, неуклюже пятясь, постепенно возвращался в действительность.

Как только юноша вышел, Павел Иванович обратился к бывшему покойнику.

– А давайте-ка пойдём прямо сейчас ко мне в кабинет, и там Вы мне подробно расскажете о себе и том, что же такого удивительного с Вами могло случиться.

Незнакомец слегка кивнул в ответ, но был видимо, настолько слаб, что самостоятельно не смог бы ступить и шагу. Наконец вернулся Фёдор с большим стаканом воды, который тут же с жадностью путника, заблудившегося в пустыне, опустошил воскресший и жестом попросил ещё. После второго стакана воды силы явно стали возвращаться к этому странному юноше.

– Давайте, Фёдор, помогайте. Отведем нашего гостя ко мне в кабинет, пусть он немного полежит там на диванчике. Берите его осторожно с одной стороны, а ваш покорный слуга с другой, и потихонечку идемте. Смотрите, ведь он совсем как космонавт после годового полёта на орбите! Совсем не хочет, вернее не может нормально передвигаться по нашей матушке Земле!

Через какое-то время вся троица расположилась в кабине-

те доктора. Незнакомец полулежал на стареньком диванчике, так как был все ещё слаб и даже голову удерживал с трудом, время от времени откидывая её на спинку дивана. Павел Иванович с Фёдором, по молчаливому согласию не спешили начать разговор с юношей, тем самым давая тому хотя бы немного прийти в себя. Бывшего усопшего успели одеть в кое-какую старенькую одежду, когда-то принадлежавшую доктору, на всякий случай хранившуюся в письменном столе. «Не Бог весть, какая, но абсолютно чистая и уж точно не с покойников». – Так заверил молодого человека Павел Иванович. Фёдор не спеша заварил чай и вытащил на свет божий принесённые из дома бутерброды. Вот только во всех его, пусть и не торопливых движениях, угадывалось стремление как можно скорее услышать, без сомнения интереснейший, как воображал сам себе Фёдор, рассказ незнакомца. От предложенного чая мужчина не отказался, да и бутерброды пришлись ему по вкусу. Поглощал он их с явным аппетитом. Но, то, как он это делал, удивило и привело в некоторое замешательство наших друзей. Несмотря на голод, который, несомненно, испытывал незнакомец, он не торопливо брал каждый бутерброд и какое-то время разглядывал, примеряясь с какой стороны его лучше откусить. Выбрав, на его взгляд более подходящее место для этого и медленно откусив, тщательно пережевывал пищу, поглощая бутерброд за бутербродом. Он явно наслаждался этим занятием. Такое его поведение немало повеселило наших друзей. Забавно было

смотреть, как недавно очнувшийся бомж с высокомерным видом аристократа поглощает обыкновенный чёрный хлеб с любительской колбасой. После того как бутерброды закончились, и пустая чашка была небрежно поставлена на край стола, наш новый герой зевнул, стараясь сделать так, чтобы этого никто ни заметил, галантно прикрыв рот рукой. Глаза его сами собой начали слипаться, а голова то и дело падала на грудь. Пал Ивановичу ничего не оставалось сделать, как предложить незнакомцу немного поспать прямо здесь в кабинете на маленьком диванчике.

– Пойдёмте, Феденька, не будем мешать нашему гостю. – Проговорил доктор, беря практиканта за плечи и недвусмысленно подталкивая растерянного и не много разочарованного Фёдора к двери. – А вы спокойно отдыхайте, Вас здесь никто не побеспокоит.

Расположившись в маленькой, заросшей плющом уютной беседке служившей местом отдыха работникам морга, наши герои какое-то время, сидели, молча погружённые каждый в свои мысли. Павел Иванович не спеша раскурил трубку и наслаждался ещё не привычной прохладой прекрасного летнего утра. Фёдор же, напротив, не замечая всех прелестей окружающей природы, тупо смотрел прямо перед собой. Первым, конечно, не выдержал практикант:

– Вот скажите, уважаемый Пал Иванович, что всё это значит? У меня в голове не укладывается как человек, пролежавший при минусовой температуре практически куском

льда недели четыре, вдруг оживает, как ни в чём не бывало, и мало того, при этом с прекрасным аппетитом уплетает кучу бутербродов, запивая их горячим чаем. Мне это снится? Или я сам уже умер и это мои посмертные галлюцинации. – Фёдор ущипнул себя за мочку уха. – Да нет, боль вполне реальная. И что же всё-таки, Вы, думаете обо всем этом? И что нам теперь со всем этим делать? Ну, я не знаю куда-то, наверное, нужно сообщить ... Что вы молчите, доктор? Нужно, что-то предпринять ...

Доктор, попыхивая ароматным табаком, некоторое время спокойно и снисходительно смотрел на своего подопечного. Затем не спеша выбил о каблук своего ботинка прогоревший табак из трубки и закинул ногу на ногу, слегка цинично и не много высокомерно начал своё повествование, а если точнее, нравоучение, обращенное ко всем молодым людям, а в данном конкретном случае, к своему молодому коллеге Фёдору.

– Не знаю, юноша. Пока не знаю, что нам делать дальше. Знаю только, что торопиться в данной ситуации, и делать какие-либо поспешные выводы из всего произошедшего рано. В моей практике такого случая я не припомню. Действительно, всё весьма загадочно, ну прямо мистика какая-то. Остаётся только надеяться, что наш незамерзающий сам нам обо всём поведаст, нужно только дождаться, когда он проснётся. – Отвечал доктор. – А нам лишь остаётся ждать пробуждения нашего странного субъекта. И уверяю тебя, нет здесь ничего сверхъестественного, ибо наука на данный момент

может объяснить практически все чудеса, какими бы они и не были странными. В конце концов, вполне вероятно нас кто-то просто жестоко разыграл. И наш сегодняшний воскресший всего лишь идеальная копия вчерашнего усопшего или его брат близнец.

– А ведь это все объясняет! – Моментально успокоившись, разочарованно произнес Федор. – И почему мне самому это простое объяснение не пришло в голову? Вот только получается, что этот человек ко всему еще и идеальный артист. Так реально сыграть и голод, и усталость, да и все прочее, скажу я Вам, это гениально. Но это, если только он и вправду артист. Давайте дождемся того, когда он проснется, и уж тогда я вытащу из него всю правду его бытия, какой бы мистической она не была!

Глава 6

Говорят, что всё хорошее в жизни случается неожиданно, только позволю себе заметить, не так часто, как хотелось бы. Да и совсем не лучшие события не стучатся в дверь заранее и не шлют предупредительные телеграммы: «Будем послезавтра, во второй половине дня. Встречайте». То, что происходило с Владимиром, было весьма и весьма неожиданно и странно. Но плохо это или хорошо, и что ждёт его в дальнейшем, он не знал. И даже не задумывался над этим, он просто как губка впитывал новую информацию, свалившуюся на него сегодня. Пока в нем говорило простое любопытство,

что же, в конце концов, происходит вокруг?

Парню оставалось только перейти дорогу, и он уже был бы на территории института, как вдруг неожиданно перед ним остановилась серая, ничем не приметная «Волга». Дверь автомобиля распахнулась, и из глубины салона раздался, как показалось парню, знакомый голос.

– Володя, пожалуйста, садитесь скорее, у нас очень мало времени.

Наш герой недоверчиво заглянул в машину. Лицо человека, окликнувшего его, показалось знакомым, и какая-то доля секунды ушла на то, чтобы вспомнить, кому оно принадлежит. Измайлов Антон Петрович, друг его тети Али. Отбросив последние сомнения, Владимир юркнул в приоткрытую дверь и автомобиль тут же сорвался с места.

– Все вопросы потом. – Тоном, не требующим возражений, произнёс Антон Петрович.

– Но мне нужно на занятия. – Растерянно произнес Володя, оглянувшись назад и провожая взглядом медленно удаляющееся здание института.

– Об этом можешь не волноваться, я все уладил. Считай себя временно находящимся в академическом отпуске.

Довольно приличное время в полной тишине они бессмысленно катались по городу, проезжая по одним и тем же улицам по несколько раз, поворачивая то влево, то вправо, то разворачиваясь прямо посреди проспекта. У Владимира создалось впечатление, что они кого-то искали или хотели

от кого-то скрыться. Антон Петрович всё это время оставался хмурым и задумчивым. Володя, собравшись с духом, хотел было спросить, куда же они всё-таки направляются. Вот только повернув голову и заглянув в непроницаемое и довольно мрачное лицо Измайлова, быстро отбросил эту идею. Паренек решил набраться терпения, и спокойно дожидаться, когда Антон Петрович сам соизволит, всё объяснить. Наконец автомобиль по одному из проспектов пересёк МКАД и двинулся в сторону области в южном направлении. Не прошло и часа как они свернули с трассы и ещё какое-то время двигались по асфальтированной, хотя и немного узкой дороге, проходящей через довольно густой лес. Километров через десять, дорогу им преградил мощный шлагбаум, встроенный в забор из металлических прутьев. На табличке, висевшей над ним, красовалась надпись: «СТОП. ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА. ПРОЕЗД И ПРОХОД СТРОГО ЗАПРЕЩЁН». Видимо этот плакат служил для отпугивания заблудившихся автолюбителей и не прошенных гостей. Они проехали ещё несколько километров, и Володя увидел ещё один забор, но уже не металлический, а кирпичный, высотой, как ему показалось, не менее четырёх метров. При их приближении огромные железные ворота грязно-зелёного цвета довольно быстро разъехались в разные стороны и также быстро закрылись, как только машина миновала их. Не сбавляя скорости, они проехали, на территорию. Ещё минут двадцать, тридцать их путь лежал через такой же, хвойный лес. Наконец

деревья расступились. Их взору открылась огромная поляна и стоявшее на ней, ничем не примечательное, двухэтажное здание. Вокруг него расходились небольшие пешеходные дорожки с аккуратно постриженными кустами сирени и жасмина. Чуть в стороне от здания располагался довольно приличных размеров чистый и ухоженный пруд, по берегам которого росли столетние дубы. Весь этот пейзаж словно сошел с картины художника и своей простой красотой русской природы неожиданно удивил Владимира. Все-таки какая-то странность во всем этом великолепии присутствовала, и он никак не мог понять, что было не так? Только выйдя из машины, сообразил, эта странность полное отсутствие людей на довольно большой территории.

Как только гости подошли к массивным дверям, они медленно открылись, и на пороге показался высокий худощавый мужчина в чёрном строгом костюме и такой же чёрной рубашке, застёгнутой на все пуговицы. Он, молча, посторонился, жестом предлагая прибывшим пройти внутрь здания. Оказавшись в небольшом холле, Владимир первым делом огляделся. Правую и левую части здания блокировали тяжелые бронированные двери. На второй этаж вела бетонная лестница, покрытая зелёной ковровой дорожкой. Идеально ровные белые стены и такой же снежно-белый потолок, на котором красовалась массивная хрустальная люстра. Всё это Володя успел заметить, поднимаясь по лестнице вслед за Антоном Петровичем. Вход на второй этаж так же прегражда-

ла бронированная дверь, медленно распахнувшаяся при их приближении. По всей видимости, здесь знали точное время появление гостей. Но откуда и каким образом? Никаких средств наружного наблюдения Владимир не заметил. «На воротах, фасаде здания, да и в фойе ничего подобного не было, или все-таки камеры были, но только были тщательно замаскированы»: мысленно отметил Володя. Второй этаж представлял собой точную копию первого. Те же стены, потолок, та же люстра и такие же две металлические двери. Встречала наших героев довольно симпатичная девушка, на вид не старше двадцати лет. Её одежда была точной копией одежды мужчины с первого этажа. Одна из дверей, ведущая в левую часть особняка, оказалась открытой.

– Прошу Вас. – Произнесла молодая особа, движением руки приглашая гостей пройти внутрь крыла. Это были первые слова, услышанные молодым человеком за последние два часа.

Антон Петрович первым вошёл в распахнутую дверь, и они оказались в длинном коридоре с такими же идеально белыми стенами и белым потолком. По обе стороны коридора находились абсолютно одинаковые металлические двери. И пока они шли к последней из них, Владимир машинально посчитал их. Ровно двенадцать.

Как только они оказались в комнате и расположились в двух креслах, стоящих напротив камина, Антон Петрович закурил, немного помолчал и заговорил:

– Я знаю, какие вопросы тебя мучают. Почему и как всё так сильно изменилось вдруг за одну ночь? Так? – Володя интуитивно кивнул. – Ответ прост, ты спал, Володя, ты просто проспал ровно год, ну и каких-то нескольких дня. Тебе, наверное, приходилось, слышать о летаргическом сне? Вот именно такая история с тобой и приключилась. Теперь тебе, Владимир, всё понятно?

– Более или менее. – Уклончиво отвечал молодой человек, подумав о том, что он довольно хорошо чувствует себя после года, проведенного в кровати.

– Вот и прекрасно. А теперь отдыхай и набирайся сил. Тебе придется пожить здесь какое-то время под наблюдением наших врачей, поверь так нужно для тебя и твоего здоровья. Потом сможешь продолжить образование, а пока...

– Объясните хотя бы, где я сейчас нахожусь. – Неожиданно прервав собеседника, спросил Володя. – И почему я здесь? Я прекрасно себя чувствую и почему не могу жить дома? В городе, наверное, тоже есть врачи, которые так же смогут наблюдать меня. Но там я хотя бы сразу смогу посещать занятия?

– Пожалуйста, успокойся и поверь, так нужно. Я обещал твоей тете заботиться о тебе и именно этим сейчас и занимаюсь. Извини, меня ждут срочные дела, но, когда вернусь, мы обязательно обо всем поговорим. И ещё раз прошу верить мне, Володя, ты обязательно должен остаться здесь. Мне так будет спокойнее. А при следующей встрече я тебе подробно

всё объясню. – После этих слов Антон Петрович поспешно поднялся и направился к двери, которая тут же открылась и на пороге появилась молодая особа, встречавшая их на втором этаже.

– Кстати, познакомься, это Екатерина. Твой личный доктор, гид и помощник в нашем учреждении. А мне, извини, пора. Надеюсь, мы очень скоро увидимся. – После этих слов Измайлов быстро скрылся в проёме двери.

Пару секунд молодые люди, молча, рассматривали друг друга. После чего девушка решительно подошла к юноше и с очаровательной улыбкой протянула маленькую, изящную ручку.

– Екатерина Петровна Ильина – Представилась она, и не много, совсем чуть-чуть, наиграно добавила. – Для тебя можно просто Катя.

– Володя, то есть Владимир. – Немного смутился молодой человек

Рука женщины, на вид маленькая и с нежной кожей, при рукопожатии оказалось удивительно сильной и холодной. Парню показалось, что его ладонь сжал кусок гладкого и ледяного камня.

– До обеда остается чуть больше двух часов. Так что у тебя будет время отдохнуть и осмотреться. Можешь считать это место твоей временной квартирой. Здесь есть всё необходимое. Единственный недостаток, двери закрываются автоматически. Но это никоим образом не ограничивает твоей сво-

боды. Скорее это в целях безопасности. Я думаю, ты быстро привыкнешь, и не будешь обращать на это никакого внимания. В любое время суток ты можешь вызвать меня, пользуясь вот этим брелоком. – Екатерина Петровна протянула ему небольшой металлический предмет, в виде ромба с плоской кнопкой в верхней части. – И не стесняйся. У нас прекрасный парк и замечательный пруд, можешь гулять там, когда захочешь. Кстати, если ты любишь рыбалку, наш водоём для этого идеальное место. И ещё, у меня к тебе будет не совсем обычная просьба. – Катя подошла к столу, открыла один из ящиков и достала оттуда матового цвета металлический шар диаметром не более пяти сантиметров. – Я хочу, чтобы этот предмет всегда был рядом с тобой. В идеале в руках. Конечно, это не всегда возможно, но тогда хотя бы шар должен находиться от тебя на расстоянии не более одного метра.

Оставшись один, Владимир принялся осматривать свои апартаменты, перекладывая металлический шар из одной руки в другую. «Что за глупая просьба всегда таскать этот кусок железа с собой? И вообще все это как-то странно. А вот жильё довольно комфортное. В конце концов, ничего страшного, похоже, со мной не произошло, проживу здесь какое-то время, отдохну и вернусь к занятиям и своей прошлой жизни». – Примерно так размышлял Володя, осматривая апартаменты, в которых ему придется жить какое-то время. В комнате кроме двух кресел и камина находился большой стол, а возле стены тумбочка с огромным телевизором, напротив

которого стоял роскошный кожаный диван. Из комнаты вели еще две двери, первая в спальню с большой кроватью и шкафом для одежды, а вторая в небольшую кухню с газовой плитой холодильником, буфетом для посуды да не большим столиком с парой стульев. Вся эта не замысловатая обстановка почему-то показалось Володе роскошью. Включив телевизор, он в приподнятом настроении завалился на диван.

«Теперь хоть что-то прояснилось». – Вспоминая всё случившимся с ним за последние часы, размышлял Володя. – «И все-таки всё это очень странно. Почему спустя так много времени я проснулся у себя в квартире, а не в больнице? И даже майка с трусами на мне были теми же, что и год назад. Зачем мне все время нужно держать при себе этот шар?». Чем больше он думал обо всем случившемся, вспоминая незначительные мелочи, тем больше вопросов у него возникало. Например, почему одежда, небрежно брошенная на стул и ключи от квартиры, выпавшие из кармана джинсов на пол, которые он сразу поленился поднять, оказались на том же самом месте. Как будто и вправду прошла всего одна ночь, а не целый год, как утверждает Антон Петрович? За год, находясь в неподвижном состоянии, его мышцы должны были ослабнуть на столько, что он не смог бы без посторонней помощи даже подняться с кровати. Вопреки этому, он не заметил в себе никаких перемен. Что же с ним всё-таки произошло? И что это за странное место, в котором он оказался? Похоже на комфортабельный санаторий тюремного ти-

па. Наверное, устав от этих мыслей и всего свалившегося на него за этот день, молодой человек не заметил, как задремал

Глава 7

Ждать пробуждения загадочного молодого человека пришлось почти до самого вечера. Молодой практикант, съедаемый любопытством, каждые полчаса заглядывал к доктору в кабинет в надежде увидеть проснувшимся пока безымянного героя этого, так странно начавшегося дня. К концу работы, окончательно потеряв терпение, Фёдор с такими словами обратился к доктору.

– Всё, больше не могу. Иду будить это чудо природы. Ведь неизвестно, сколько он ещё сможет проспать неделю, месяц или может быть несколько лет?

Молодой человек даже не предполагал, как его слова были близки к истине. Павел Иванович поначалу хотел было урезонить пыл практиканта: «Незачем тревожить спящего человека». – Но, в конце концов, и сам сгораемый от любопытства согласился с предложением Федора. К обоюдной радости они застали недавний труп опять сидящим, и на этот раз незнакомец заговорил первым:

– Скажите, пожалуйста, где я нахожусь и какое сегодня число, месяц, год? – Кому-то другому эти вопросы показались бы весьма странными, но в виду сложившихся обстоятельств, наших друзей это нисколько не удивило.

– С Вашего позволения 11 июля 201... года, город Н – иск. – Ответил доктор.

– Не может быть, чтобы так долго... – Немного подумав, удивленно и грустно сказал проснувшийся молодой человек, ни к кому, конкретно не обращаясь и не замечая ничего вокруг. Наступила неловкая пауза. Неловко в ней было только Павлу Ивановичу и Фёдору, так как несостоявшийся покойник, был полностью погружен в свои мысли. Уже и доктор пару раз не двусмысленно кашлянул, пытаясь отвлечь задумавшегося от его, видимо не очень радужных воспоминаний, вот только тот, никак не реагировал на происходящее вокруг. Фёдор, уставший за целый день от непрерывного ожидания, неожиданно для всех хлопнул в ладоши, почти под самым носом незнакомца и довольно громко произнес:

– Алло, уважаемый! Простите, не знаю Вашего имени отчества. Как бы ни было хорошо на том свете, но пора уже вернуться и почтить своим вниманием, нас грешных на нашей грешной земле, не правда ли? – С этими словами Фёдор, скрестив на груди руки, уселся на край стола, всем своим видом показывая, что ждёт дальнейших объяснений

– Простите меня, я очень плохо помню все произошедшее со мной. Может быть, Вы проясните, что со мной случилось, и как я здесь оказался?

– Сначала успокойтесь. – Вмешался в разговор доктор. – И скажите нам своё имя, ну и где вы жили последнее время? Нам так будет легче связаться с вашими родственниками.

После этих слов незнакомец опять впал в состояние задумчивости с той лишь разницей, что на этот раз на его лице

отразилась гримаса растерянности, а мучительная попытка вспомнить хоть что-нибудь, по всей видимости, не увенчалась успехом, так как очень скоро он произнёс:

– Я ничего не помню! Ничего! Только какие-то странные обрывки. – От бессилия он закрыл лицо руками, и казалось, вот-вот разрыдается. Так продолжалось несколько секунд. – И еще я знаю, что со мной уже случалась подобная история. Только не спрашивайте меня, почему я это знаю, не смогу объяснить, просто знаю и все. И еще мне страшно, если быть точнее, то скорее тревожно, ведь я уже однажды исчезал из этого мира.

– Ещё раз прошу Вас, возьмите себя в руки, здесь вам ни что не угрожает. – Постарался успокоить мужчину Павел Иванович. – И давайте вместе подумаем, как нам всем дальше быть и, что нам с Вами делать? И еще, что значит исчезал?

– Вообще для таких заболевших людей как он, есть специальные лечебные учреждения. – Федор обратился конкретно к доктору, намеренно не замечая присутствия человека, о котором шла речь. – Я знаю, там успешно лечат такие случаи амнезии.

Павлу Ивановичу такое поведение практиканта явно не понравилось, но он промолчал и лишь укоризненно посмотрел в глаза Федору. Впрочем, того это нисколько не смутило.

Потерявший память молодой человек вначале спокойно выслушал Федора. Потом слегка наморщив лоб, попытал-

ся что-то вспомнить, и вдруг через какое-то время гримаса страха исказила его лицо.

– Нет, нет, только не туда. – Прошептал он.

В этом шёпоте было столько боли и страдания, что, как это ни странно, её на себе физически почувствовали Фёдор вместе с доктором. Вот только, осознанный это был страх или нет, наши друзья понять не смогли. Позже, вспоминая этот момент, оба пришли к выводу, что такого с ними никогда не случилось. И в этом была какая-то мистика. Как можно почувствовать боль другого человека. Не психологически, сознанием или душой, а именно физически, телом.

– Не нужно так переживать. – Неожиданно для самого себя произнёс Павел Иванович. – Без Вашего на то согласия, мы никуда Вас не отправим. – Даже Фёдор с удивлением посмотрел на доктора. – Побудьте здесь немного, пока мы с моим коллегой, закончим нашу работу, а потом решим, что нам с вами делать. Договорились? С Вашего разрешения и для Вашего же блага я закрою дверь в этот кабинет, чтобы никто не смог побеспокоить Вас в наше отсутствие. – С этими словами коллеги вышли из кабинета, закрыв за собой дверь на ключ, и не договариваясь, направились к беседке, чтобы немного прийти в себя и подумать о своих дальнейших действиях.

– Вы это тоже почувствовали. – Павел Иванович вопросительно посмотрел на Фёдора.

– А вы как думаете? Может, закурите свою трубку, и мне

дадите пару раз затянуться? Чувствую, мне это сейчас не помешает, хотя, конечно лучше бы коньячку.

– Если ты не куришь, уж лучше и не начинать! Ну да ладно, наверное, не в этот раз. Доктор раскурил трубку и протянул практиканту. С непривычки, тот сильно закашлялся и сразу же вернул ее обратно доктору, пробормотав, что курение, видимо, не для него. Несколько минут прошли в тишине, пока первым не заговорил Федор, обращаясь к своему наставнику.

– И что мы будем со всем этим делать? Труп нужно оформлять? Нужно! Правда, я не знаю, как оформить труп оживший! А Вы что думаете по этому поводу?

Ангелов молчал, размышляя над своими дальнейшими действиями. В конце концов, видимо что-то окончательно решив для себя, заговорил:

– А ничего мы не будем думать, и оформлять! Пусть всё остаётся так, как есть. Он кто? Бомж. Вероятнее всего, его никто и никогда не будет искать. Сколько их таких было в нашем холодном подвале? И напомни мне, как часто у них объявлялись родственники...? Правильно, практически этого не было никогда. А отправлять нашего подопечного в психушку, какому-то коновалу от психиатрии, чтоб он там сделал из мальчика вареную тыкву, мне искренне не хочется! Ты ведь и сам прекрасно видел, как расстроило его одно упоминание об этом месте. А знаешь, Феденька, давай-ка нашего воскресшего паренька мы временно определим к отцу

Андрею. А там будет видно. Насколько я знаю, он давно уже помощника себе подыскивает, и думаю, проблем с этим не будет. И еще я уверен, довериться батюшке можно, а заодно и понаблюдаем за нашим воскресшим. Уж очень он странный какой-то, вроде, как и не от мира сего! Хотя, чему я удивляюсь, судя по тому, что сегодня случилось, так оно и есть. Все-таки в нем есть какая-то загадка, я бы даже сказал больше, сверхъестественная тайна! Так давай дадим человеку шанс! На мой взгляд, он абсолютно адекватен и не агрессивен. Подумаешь – амнезия, я думаю это ненадолго, а если это и не так, нам никогда не поздно прибегнуть к помощи других специалистов. Что ты мне на это ответишь, Феденька? – Спросил доктор, хитро улыбаясь, заранее зная ответ подчинённого.

– Конечно, это самое лучшее, что мы можем сделать для этого скорее не ординарного, чем не адекватного человека. – Совершенно искренне отвечал практикант, не замечая уже снисходительной улыбки доктора.

– Тогда вернёмся в кабинет, дабы не провоцировать у него еще и страх, рождённый одиночеством и ограниченным пространством. Наши друзья, не сговариваясь, одновременно встали и молча, направились в сторону морга. Уже практически у самого входа Павел Иванович вдруг неожиданно резко повернулся, так что Федор чуть не налетел на своего наставника.

– Феденька, – почему-то очень тихо, шепотом прямо в

лицо, произнес доктор своему подопечному практиканту, – это точно он все это время у нас в морозилке мертвяком лежал? Я сейчас вдруг вспомнил, у него на правом предплечье небольшой крестообразный шрам, а рядом несколько темно-синих точек разной величины. Это пороховые точки от выстрела, их ни с какими другими я не перепутаю. Так вот, я их первый раз заметил тогда, когда вы его еще не ожившего мыли, у меня на такие вещи память профессиональная. И утром я их опять увидел, когда он в кабинете сидел, только на фоне всех сегодняшних чудес не придал этому значения. А сейчас в голове, как свет во мраке, вдруг вспыхнуло, вспомнил я все это и сопоставил, такие вещи не подделаешь.

– У нас хорошие новости для Вас. – С порога кабинета произнес доктор. – Мы нашли жилье, в котором Вы сможете спокойно жить столько, сколько сочтете нужным, это первое. Второе, память обязательно вернется, я как Ваш лечащий врач заявляю это официально. И, наконец, третье, и самое главное, запомните сегодняшнее число, это Ваш второй день рождения, живите и наслаждайтесь жизнью! А теперь скажите, как же нам все-таки к вам обращаться?

Юноша растерянно размышлял какое-то время, усиленно пытаясь хоть что-то вспомнить

– Нет, не знаю, не помню. – Расстроено отвечал он, и слёзы бессилия невольно покатались из его глаз.

И опять доктор, и Фёдор физически ощутили его отчаянье, его боль. Это казалось невероятным. И как это ни стран-

но прозвучит, им обоим тоже захотелось плакать. Через пару секунд, справившись с эти неожиданным наваждением, как сам себе это прокомментировал доктор, Павел Иванович заговорил, стараясь казаться как можно бодрее.

– Не надо так расстраиваться! Во всем и всегда, ну если только за небольшим исключением, нужно искать положительные стороны. Вот и в Вашем случае, как говориться, нет худа без добра или не было бы счастья, да несчастье помогло! Это я к тому, что ведь не каждый день и не каждому человеку выпадает шанс самому себе выбрать имя. Ведь так, Федор? – Доктор многозначительно посмотрел на практиканта и тот быстро сообразил, на что намекнул ему Павел Иванович.

– Это верно, – с вдохновенной улыбкой поддержал он игру, начатую доктором, смысл которой заключался в том, чтобы отвлечь собеседника от мрачных мыслей, – уж я бы точно сейчас не был Фёдором, а, например, ну, скажем, Марком. Ну как вам имечко?

– Я не знаю, да и мне, в общем, всё равно, каким оно будет. Хотелось бы вспомнить своё.

– А давайте вы будете Владимир, владеющий миром, так сказать. Как? Вам нравится? – Проговорил Федор, вопросительно глядя на молодого человека, вот только тот, не поддержав его энтузиазма, равнодушно ответил:

– Владимир так Владимир.

– Вот и прекрасно. И не нужно так отчаиваться. Все обязательно образуется, а пока давайте займёмся бытовыми про-

блемами. Ведь нужно же, как-то вас одеть, Володя, хотя бы на первое время.

Немного подумав, Павел Иванович открыл старый большой сейф, вмурованный в стену, наверное, ровесник самого доктора, в котором он хранил документы и свои личные вещи. Немного покопавшись в нём, он извлёк на свет Божий, старенькое кожаное портмоне.

– Вот, наконец, и пригодилась моя заначка. – С этими словами доктор достал из кошелька пачку банкнот, и протянул их Фёдору. – Я смотрю телосложение у вас с Владимиром практически одинаковое. Нужно только уточнить размер обуви. Разувайтесь, а вы Володенька примерьте.

Обувь подошла идеально.

– Да, если бы не отличие в цвете волос и чертах лица, вас двоих можно было бы, с большой долей вероятности, назвать братьями. Теперь к делу. Вы, Федор, отправляйтесь за покупками и приобретите всё необходимое, начиная с зубной щётки и заканчивая курткой, на случай похолодания и дождя. И не экономьте там, берите всё, что сочтете нужным. А я пока расскажу Володе о наших планах относительно его будущего.

Чуть больше часа понадобилось практиканту для того, чтобы сделать все нужные покупки. Вернулся Фёдор, с двумя большими пластиковыми пакетами в руках.

– Я всё сделал, как доктор прописал. Так что теперь у тебя, Володя, есть все необходимое для нормальной жизни. Да-

вай-ка потихоньку переодевайся, а я пока вызову такси. Думаю, все-таки тебе еще рановато ходить в походы на длинные дистанции.

Однако коллеги были приятно удивлены тому, как их подопечный легко и быстро оделся. Похоже, силы в полной мере вернулись к Владимиру, и он неожиданно предложил:

– А может быть не нужно вызывать такси? Мне очень хочется пройтись пешком, да и чувствую я себя намного лучше.

Доктор несколько коротких мгновений прикидывал в уме физическое состояние Владимира и, не найдя ни одной причины, по которой можно было бы отказать в его просьбе, согласился:

– Прекрасно, давайте прогуляемся.

За всю дорогу до храма никто не проронил ни слова. Владимир с любопытством смотрел по сторонам, интересуясь всем, что попадало в поле его зрения, а Фёдор с доктором в свою очередь украдкой наблюдали за ним. Так и дошли наши новые друзья до владений отца Андрея.

Глава 8.

Проснулся Володя неожиданно для себя как-то немного странно, он просто открыл глаза. Было ощущение того, что он вовсе не спал, а просто потерял сознания на какую-то долю секунды. Если бы не странный сон, приснившийся ему, наверное, он бы и не понял, что все это время спал. Сон, в котором он сидит на скамейке в чудесном парке, а перед

ним дорожка, вымощенная камнем, извивающаяся, как змея и убегающая куда-то далеко вдаль, вперёд и вверх, то пропадая, то появляясь за деревьями. По обе стороны от неё, среди кустарников с замысловатыми цветами всех цветов и оттенков, стоят не виданной красоты деревья. Цветов так много, что за ними почти не видно зелени листьев. В воздухе летают прекрасные бабочки и мотыльки. Неутомимые и трудолюбивые пчёлы собирают нектар, и чувство покоя и умиротворения витает в этом сказочном месте. Вдруг все в одно мгновение меняется! Мотыльки и бабочки как можно быстрее стремятся спрятаться за листьями и цветами. Пчёлы, взволнованно жужжа, спешат хоть где-то укрыться. Одна даже залетела в рукав Володиной рубашки и, не много пожужжав, забравшись в самую дальнюю складку, затихла. Что так напугало обитателей этого прекрасного места? Шершень, большой и наглый шершень! Он вынырнул неизвестно откуда, быстро и стремительно схватил первую попавшуюся пчелку. Несчастное насекомое не успело взлететь с ярко оранжевого цветка, как оказалась зажата его мощными лапами. Володе стало искренне жаль бедную пчёлку, только, чем он мог ей помочь? Он даже не успеет дойти до места всего происходящего. В отчаянии он представил себе, что успеет спасти несчастную, безжалостно раздавив страшное насекомое. Как ни странно, но шершень, словно угадав его мысли и испугавшись, оставляет беспомощную пчелу в покое и быстро исчезает в неизвестном направлении. Ещё более странное со-

бытие происходит потом. Володя чувствует, как пчела, спрятавшаяся в манжете рубашки, потихоньку перебирая лапками, выбирается наружу и взлетает. И неожиданно для него и, как показалось Володе с благодарным жужжанием, садиться ему на губы. Он замирает, боясь пошевелиться. Ужалит или нет? Он ждёт, что же будет дальше, но ничего не происходит и лишь мгновение спустя, пчёлка улетает. Непроизвольно облизнув пересохшие губы, Володя вновь застыл, но уже в восторженном оцепенении! Если есть на свете божественный нектар, то он именно такого вкуса! Другим он просто не может быть! Нельзя простыми словами описать то, что почувствовал наш герой, и даже проснувшись, он какое-то время слышал на губах этот не передаваемый вкус, прекрасный и неповторимый! И это ощущение было ещё удивительней, чем сам сон. Нереальная реальность происходящего врезается в сознание Владимира

– Что же со мною происходит? Похоже, я схожу с ума? – Спросил Володя самого себя и не найдя ответа, впадая всё в большее смятение, вдруг неожиданно почувствовал, как по его щекам катятся слезы. Этот переход от весёлого оптимизма, с которым он уснул, до безысходного отчаянья, в которое он впал, проснувшись, заставили парня по-новому посмотреть на себя со стороны. Всё-таки Владимир не был слабой личностью.

– Всё, хватит киснуть! – Сам себе скомандовал он. – Что особенного или непоправимого, в конце концов, произо-

шло? Да ничего, о чём стоит так убиваться! Да, потерял год жизни! Но, в конечном итоге, это всего лишь год и, насколько мне не изменяет память, некоторые люди находились в таком состоянии даже не один десяток лет. Так что будем считать, мне повезло много больше, чем им! Надо бы поговорить с Екатериной Петровной, она наверняка достаточно много знает о том, что со мною происходит. – Отбросив все сомнения и найдя пульт, он решительно нажал несколько раз на кнопку вызова. Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, и она вошла в комнату.

– Что-то случилось? Ты так настойчиво звонил! Кстати, обед уже готов, пойдём, перекусим, там мне и расскажешь обо всём, что тебя мучает.

Как только они вышли в коридор, дверь за ними сразу же бесшумно закрылась. Обед проходил в соседней комнате, в которой находился всего один большой стол со стоящими вокруг него стульями. Всё, что подавали в этом заведении, уже стояло на белоснежной скатерти. Пара кастрюль из нержавеющей стали и такая же сковорода, стеклянный графин с компотом из сухофруктов и горячий чайник, из носика которого шёл пар. Владимир уж было собрался перейти к вопросам, терзавшим его, как был остановлен решительным жестом и словами Екатерины:

– Все разговоры потом, после обеда. У нас с тобой будет достаточно времени для бесед. Тем более, говорить с набитым ртом для меня малоприятное занятие, надеюсь и для те-

бя тоже?

Наш герой еле дождался окончания этого странного обеда. Екатерина Петровна, не спеша, словно нарочно пытаюсь оттянуть предстоящий разговор, подолгу перебирала вилкой у себя в тарелке, подыскивая подходящий кусочек очередного блюда, прежде чем тот окажется у нее во рту. Через какое-то время молодой человек потерял всякую надежду на то, что этот обед медленно не перейдет в ужин. К счастью всё, когда-то заканчивается, пришел конец и этой затянувшейся трапезе.

– Поговорим здесь или, может быть, прогуляемся по окрестностям?

– Как Вам будет угодно. – Раздражённо, отвечал Володя, едва сдерживая свое негодование по поводу затянувшегося обеда.

– Тогда прошу. – С ироничной улыбкой произнесла Екатерина Петровна, слегка дразня теряющего терпение парня. Нарочито медленно и аккуратно протёрла уголки губ салфеткой, бросила ее на стол, небрежным жестом указала на дверь и, не дожидаясь Владимира, первой вышла из помещения. Дверь, открылась при ее приближении и закрылась, как только они покинули столовую. Оказавшись на улице, не спеша, прогуливаясь, направилась в сторону местного водоема.

– Ну, спрашивай скорее, что тебя так сильно интересуется, а то вдруг ненароком лопнешь от любопытства. – Не прекра-

щая иронично улыбаться, произнесла молодая женщина.

– Вам смешно? А мне как-то не очень хочется веселиться. – Юноша заметно нервничал. – Почему я здесь, и когда вернется Антон Петрович? Что же со мной все-таки происходит? И кто, чёрт побери, все время открывает и закрывает эти проклятые двери? – Последние слова он почти выкрикнул.

– Спокойнее, зачем так нервничать! В-первых, ты находишься здесь, потому что, так будет лучше для тебя самого. Немного отдохнёшь, подлечишься и вернёшься к своей привычной жизни. Во-вторых, Антона Петровича сейчас уже нет в стране, и когда вернётся известно лишь ему одному. Но поверь, по возвращении он сразу здесь объявится. И последнее, – Екатерина снисходительно улыбнулась, – раньше это здание принадлежало военному ведомству, а впоследствии досталось нам, медикам. Теперь это министерский санаторий. А двери, вот, смотри. – Из кармана пиджака она достала коробочку-пульт, на вид точно такую же, которую в своё время дала Володе. – Принцип действия дверей прост. Из неё исходит постоянный сигнал. При приближении специальное устройство считывает этот сигнал, и они автоматически открываются. Как только сигнал отдаляется вместе со мной, дверь закрывается. Видишь, всё просто. Вся эта автоматика досталась нам от военных. Чем они тут занимались, одному Богу известно. Демонтировать всю эту систему оказалось довольно сложно и дорого, да и сам принцип их действия,

очень понравился нашему начальству и именно поэтому, было принято решение всё оставить, так как есть. Военных, в принципе, это тоже устраивало. Есть ещё какие – ни будь вопросы?

Какое-то время они шли, молча, занятые каждый своими мыслями.

– И всё же, вы мне не ответили, что со мной происходило весь этот год? – Володя вопросительно посмотрел на собеседницу.

– Странно, Антон Петрович должен был тебе все объяснить. Неужели, он ничего не рассказал? Володя, ты спал, ты весь год проспал. Знаешь, так бывает иногда с людьми. Это называется...

– Я знаю, как это называется. – Грубовато перебил Володя Екатерину, заглядывая ей в лицо. Стараясь прочесть в нем хоть какие-то ответы на свои вопросы. – Летаргический сон это называется. Только Вы скажите, почему я проснулся дома, а не в каком – ни будь медицинском учреждении, и почему мои мышцы не одряхлели за целый год этого, так называемого, сна.

На ее лице отразилось недоумение. Екатерина Петровна удивленно хмыкнула и сказала:

– А, в самом деле, почему Антон Петрович сразу не привез тебя сюда? Я как-то и не подумала об этом. Вообще, о тебе я узнала только сегодня. Вот приедет Измайлов, у него и допытывайся.

Володя внимательно посмотрел на свою спутницу, и ему показалось, она нарочно лукавит в разговоре с ним. Поняв, что от нее правды он не услышит, прекратил дальнейшие расспросы.

Спустя какое-то время они подошли к водоему, вокруг которого на определённом расстоянии друг от друга стояли чугунные, обшитые деревом массивные, но весьма удобные, скамейки. Расположившись, на одной из них и помолчав какое-то время наши герои, продолжили прерванную беседу. Первой нарушила молчание Екатерина:

– А ты молодец, сообразительный. Только на последний вопрос я не смогу тебе ответить, для меня это так же удивительно, как и для тебя. Наверное, поэтому Антон Петрович и привез тебя именно сюда. Понаблюдаем тебя здесь немного, сдашь анализы, пройдёшь качественное и полное обследование и, если всё в порядке, а я уверена, что так и есть, через недельку, другую отправляйся дальше «грызть гранит науки» в свой институт.

– Значит, я кролик, подопытный кролик? Спасибо, теперь хотя бы знаю, зачем и почему я здесь. Пытать конечно, не будете? – С грустной иронией, то ли спросил, то ли констатировал он.

– Успокойся и не говори ерунды! Никто здесь не желает тебе ничего плохого! Извини, мне пора возвращаться, а ты можешь гулять сегодня, сколько вздумается. С тобой начнут заниматься завтра, в смысле обследований, ну и всего про-

чего. – Екатерина поднялась со скамьи и пошла в сторону здания, но пройдя пару шагов, обернулась.

– Кстати, видишь вон там мосток на воде, на нем найдешь удочки ну и все, что нужно для рыбалки. Здесь водится замечательный карп. Если поймаешь хоть одного, то можем зажарить рыбку к ужину. Лично я обожаю карпа, особенно под майонезом. Когда будешь возвращаться, просто нажми кнопку на пульте, и я открою тебе дверь.

Немного посидев у воды, Владимир направился к мостку. На нем, и правда, лежали рыболовные снасти, небольшой раскладной стульчик, а рядом с ним стояла маленькая деревянная коробка, похожая на небольшой сундучок, в которой он нашел все необходимое для рыбалки, начиная от крючка любой величины и заканчивая всевозможными насадками и приманками.

Вот уже битый час новоявленный пациент элитного санатория пытался хоть что-то поймать в тёмной воде водоема. Всё напрасно, пруд казался мёртвым. Володя почему-то вдруг вспомнил свой недавний сон и от скуки закрыл глаза, представил себе большую рыбу, плывущую в глубине водоёма. Она плывёт прямо на наживку, не подозревая, что под ней скрывается острый крючок, ещё мгновение и рыба бьётся на натянутой леске. Открыв глаза, он с удивлением видит, что поплавок нет. Дёрнув от неожиданности удилищем, почувствовал приятную тяжесть. «Есть, попалась рыбка, верно, и в правду говорят, что мысль материальна». – Мельк-

нуло в голове нашего героя. Через некоторое время приличных размеров карп уже плавал в садке, предусмотрительно оставленный кем-то на мостике. И вот уже снова заброшена наживка, и рыбак застыл в предвкушении новой поклёвки. Не тут-то было, поплавок застыл, как вкопанный. Спустя какое-то время, потеряв терпение, Владимир решает повторить свой эксперимент. И вновь мысленно представляет, как карп заглатывает наживу. Поплавок неистово бьётся на поверхности воды. Подсечка ... но на этот раз везенье на стороне рыбы. Через каких-то пятнадцать минут, умело пользуясь собственной фантазией и удилищем, Володя смог наловить с десятков загипнотизированных особей. Он вдруг вспомнил, как мама жарила рыбу, пойманную им с отцом на рыбалке. Ещё до того, как он исчез, они с ним частенько любили отдохнуть таким образом. Вдруг острые чувства стыда, боли резанули его молодое сердце: «Мама! Как я мог ни разу за весь день не вспомнить о ней? Это для меня прошел всего лишь день, а она ... она не видела меня целый год. И что она обо мне, в конце концов, знает? Кто и что ей там наговорил?». Эти мысли настолько овладели им, что он, забыв о рыбе, не замечая того, что удочка у него ещё в руках, почти бегом бросился в сторону санатория. Через несколько шагов отбросив ее, он уже бежал.

Когда Екатерина Петровна открыла дверь, Володя, задумавшись, стоял, опустив голову, и продолжал нажимать кнопку на брелоке, из-за чего из кармана пиджака женщины

шел монотонный звук, похожий на звук не смазанных дверных петель.

– Ну, что ещё случилось? – Устало и не очень дружелюбно спросила она. Да оно и понятно, такое, с позволения сказать, звучание, могло вывести из себя кого угодно.

– Простите, задумался. – Наконец, сообразив, откуда идет этот неприятный звук. Он все еще сжимал этот злополучный пульт. – Моя мама, что с ней? Я хочу ее видеть!

– Проснулся! – Немного укоризненно сказала Катерина. – Хотя это, конечно, моя вина. Прости, за всей суетой сегодняшнего дня, совсем забыла тебе рассказать о твоей маме. Да ты и сам хорош, мог бы вспомнить о ней в первую очередь.

После этих слов Володе стало еще более совестно, от чего на глазах у него навернулись слезы,

– Гляди-ка, какой чувствительный мальчик. – Она уже жалела его и, взяв двумя руками за плечи слегка потрянув, продолжала. – Да успокойся ты, все с твоей мамой в порядке, и о тебе она знает, скоро сам убедишься. Рыбку то хоть одну поймал?

Он кивнул, беря себя в руки, и попытался улыбнуться дрогнувшими губами.

– Забыл. Там на мостике забыл ... Я сейчас, мигом.

– Давай шевелись, герой, а то вечером ужинать будет нечем.

То ли в шутку, то ли всерьез сказала девушка и улыбку-

лась, глядя, как Володя с мальчишеской резвостью бросился бежать обратно к водоему, крикнула ему вдогонку:

– А с мамой можешь поговорить по телефону хоть сейчас, – парень остановился как вкопанный, – но только после того как принесешь рыбу.

Глава 9

Прошло уже больше месяца с того самого дня как ба-тюшка приютил у себя Владимира. К сожалению, за это время никаких существенных улучшений в состоянии нашего героя не случилось. Память возвращалась медленно, случайными, ничего не объясняющими обрывками, из которых невозможно было составить никакой определённой картины, ни то, откуда он, ни то, чем занимался в прошлом. Да и что можно было понять из тех коротких и иногда несколько странных обрывков воспоминаний, никак не связанных друг с другом. Вот он садится в машину, в которой его ждет, похоже, близкий ему человек, но кто этот человек Володя вспомнить не может. А вот он с наслаждением ловит рыбу в пруду. Вот он в компании молодой и довольно красивой женщины сидит на скамейке возле того самого пруда, а вокруг них, как ни странно это звучит, снует разнообразное лесное зверье. И что более удивительно, это самое зверье нисколько не боится находиться с ними рядом. Именно эта странная картинка давала повод усомниться в том, что память понемногу, но все-таки, возвращается к молодому человеку.

Доктор со своим молодым коллегой практически каждый

день навещали своего подопечного. Вот и сегодня, закончив свою основную работу, они сразу же направились в храм к отцу Андрею.

– И всё-таки, доктор, что мы собираемся делать дальше? – Спросил Федор у Павла Ивановича, как только они вышли с работы. – Нельзя же, что бы этот человек прожил тут всю оставшуюся жизнь. Наверняка у него есть родственники, друзья, которым он дорог. По меньшей мере, не очень хорошо оставлять их в неведение его судьбе. Нужно что-то попробовать предпринять! Ну, я не знаю, может быть, послать его фотографию на телевидение, в программу «Ищу тебя»?

– Какой ты, Фёдор все-таки странный человек. – Неожиданно рассердился всегда спокойный Павел Иванович. – Неужели ты не понимаешь? Нельзя, категорически нельзя этого делать. Мы не знаем, что было с ним в прошлой жизни. Ведь он боится, панически боится одного упоминания о больнице. В какой лечебнице он побывал, что там с ним делали? Мы можем только догадываться. Кто может его искать? Друзья? Враги? С его способностями переносить холод, передавать свою боль, да нам до конца и неизвестно какие еще чудеса он умеет творить, его может искать кто угодно, вплоть до агентов любой иностранной разведки. И, скорее всего – это люди, которым нужен не он, а его феноменальные возможности. Кто они мы можем только догадываться. Нет, мы должны, мы просто обязаны заботиться о

нем и сохранять все в тайне, до полного восстановления памяти. А я уверен, она вернётся к нему обязательно. Просто, по всей видимости, его сознанию нужен, какой-то стимул для пробуждения, а что может послужить таким стимулятором, мне, к сожалению, пока не известно. Но то, что именно так и должно случиться, я уверен, как говорится, на девяносто девять и девять процентов. Нам же остаётся только терпеливо ждать и, конечно, наблюдать за ним и за его удивительными способностями. – Доктор остановился и, взяв Фёдора за локоть, строго продолжил свою речь. – А Вам, молодой человек, в своих эгоистических побуждениях как можно скорее узнать всю правду о его прошлой жизни, просто хочется побыстрее и любыми способами вернуть память нашему больному. Нисколько не заботясь о его здоровье и душевном состоянии и не думая о том, что предложенный Вами вариант, может просто убить его. Точнее, не сам вариант, а его непредсказуемые последствия.

– Вы опять абсолютно правы. – Практикант даже слегка покраснел после слов доктор. – Я идиот. Самовлюблённый эгоист и ещё черт знает кто, но только не врач. Какой я буду доктор, не обладая достаточным терпением, дырка я от бублика, а не доктор.

– Никакая ты не «дырка», – сменив гнев на милость и решив немного подбодрить расстроившегося молодого человека, проговорил доктор, – просто ты ещё молод, а молодость – это скорость, полёт, движение! Хочется всего и сразу! У ко-

го-то это проходит, у кого-то обретает немного другую форму, а некоторые так всю жизнь и гоняются за призраками собственных иллюзий. Но как сказал один философ, к сожалению, не знаю его имени: «Кто понял жизнь, тот не спешит». Запомни это, мой друг, и всегда во всём, не спеша поторапливайся.

Глава 10

Измайлов возвращался в «санаторий». Так называли место, куда Антон Петрович привез Владимира все сотрудники, работающие там. На самом деле, практически никто из персонала не догадывался, в какой структуре они работают, за небольшим исключением в несколько человек, к которым относилась и Екатерина. Для всех непосвященных это была засекреченная военная часть со всеми вытекающими последствиями. Когда-то вся территория «санатория» принадлежали министерству обороны, но после развала СССР и последовавшими за всеми этими переменами, все это хозяйство было продано некой коммерческой структуре, возглавляемой Антоном Петровичем Измайлов. Кто он и какую должность в ней занимает, знал только очень узкий круг посвящённых лиц. Именно после встречи с ними, он и направлялся в «санаторий». Уже сидя в машине и немного расслабившись, Антон Петрович вспоминал детали прошедшего разговора.

Все руководящее звено организации, во главе которой находился Измайлов, собрались в его личном офисе в центре

Москвы. Формально здание принадлежало его другу и соратнику по основной работе Иванову Сергею Ивановичу. Во всём поведении этого человека, осанке, манере разговаривать, чувствовалась военная выправка. В недавнем прошлом он действительно служил в военной разведке. Сейчас же занимался безопасностью всех структур, входивших в подчинение Измайлова. Это был второй человек, пришедший на эту встречу. Третий и последний Геннадий Викторович Птицын, исполнительный директор всего движимого и недвижимого имущества, чем владела структура Антона Петровича. И только посвященные знали, Птицын в совершенстве владеет методами гипноза и обладает сильными экстрасенсорными способностями. Помещение, в котором они собрались, предназначалось именно для таких встреч, и было оборудовано всем необходимым для автономного проживания. При желании вся троица могла прожить там не меньше месяца, не выходя за пределы апартаментов. Бронированные двери, ведущие внутрь помещения, шума и звука непроницаемые стены и окна, новейшая охранная сигнализация, системы против прослушивания и даже лифт, о котором знали только они, и который работал только в одном направлении, точнее на выход из помещения. В совокупности все это оборудование исключало возможность постороннего проникновения. Все собрались ровно в назначенное время.

– Он вернулся. – Произнеся эти слова, Антон Петрович откинулся на спинку стула, ожидая реакции своих собесед-

ников. Какое-то время все сидели молча.

– И как всегда память заблокирована!?! – То ли утверждая, то ли спрашивая, произнёс Птицын.

– Как всегда, и это самый большой срок отсутствия, чуть больше года. Так надолго раньше никто не исчезал. Максимальный срок отсутствия, месяц, был у Али. – Последние слова Измайлов произнёс тихо и грустно.

– А может быть, я всё-таки попробую взломать, эту чёртову блокировку? У меня уже есть по этому поводу кое-какие наработки. – Экстрасенс вопросительно посмотрел на присутствующих.

– Я тебе взломаю, Гена. Я тебе твой череп тогда взломаю, хоть ты и мой друг. – В голосе Антона Петровича явно прозвучали стальные нотки. – Ты забыл, что стало с Авилиной после твоего взлома? Именно от этого она и заболела. И что тогда нам удалось узнать? Ровным счётом ничего, кроме имени, следующего путешественника. Так что забудь, я не хочу, чтобы с мальчиком что-то случилось.

– Так ведь ты сам просил мена – это сделать, и не факт, что заболела она именно от этого. – В голосе Геннадия Викторовича послышались нотки обиды. – А теперь, конечно, я крайний.

До этого, всё время молчавший начальник службы безопасности, примирительно произнёс.

– Вот что, господа, мои товарищи, я Вам скажу. Не нужно ссориться и винить друг друга в случившемся. Никто не ви-

новат в том, что произошло. Вы прямо как дети малые: «если бы да кабы!» Мухоморы никому во рту не мешают? Что случилось, то случилось. Или лучше было бы, чтоб они узнали о парне до того, как о нём узнали мы? Забыли, наверное, чем заканчиваются судьбы почти всех исчезающих? Могу напомнить! И что пришлось пережить Авилине, прежде чем мы её нашли и смогли спасти, тоже забыли? А вы тут собачитесь! Эмоции в этом деле вещь недопустимая и об этом напоминать, я думаю, никому не нужно?

Какое-то время все молчали, погруженные каждый в свои мысли. Антону Петровичу вспомнился их первый день знакомства с Авилиной. Он, тогда ещё двадцати двух летний паренёк, со своими друзьями Генкой и Серёгой, почти всё свободное время проводили, лазая по подземным лабиринтам Москвы. Зачем, спросите Вы? А всё очень просто, Сергей, однажды гостивший у бабушки в ближнем Подмосковье, нашёл в ее доме на чердаке старинный пергамент, на котором оказался странный рисунок, похожий на план подземелья. Откуда эта вещь там взялась бабушка не знала, но предположила, что бумага эта осталась там от ее прапрабабушки, служившей при дворе, правда какого именно российского царя она уже не помнила. И все бы ничего, но на ней оказался вензель, как потом оказалось, аж самого Ивана Грозного, и вся эта карта была помечена крестиками, под каждым из которых стояли цифры и рядом с ними две буквы К. и Б. Таких крестиков они насчитали, аж восемнадцать штук. Дру-

зья, недолго поломав головы над этим ребусом, решили – это не что иное, как карта пропавшей библиотеки Ивана Грозного. Буква «К» точно означает слово книги, а буква «Б» могла означать что угодно – и большая и библиотека и т. д. Сергей даже предположил, что «К» и «Б» не что иное, как Книги Бога и что в них точно есть описание и рецепт изготовления философского камня. И находятся они не в одном месте в тайнике, как все предполагают, а разбросаны и спрятаны на довольно большой территории. Естественно, молодые люди, заинтригованные старинной картой, немедленно начали не – легальное освоение и изучение подземной части города. Вот в одном из таких походов неразлучная троица и наткнулись на связанную и избитую Авилину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.